

РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ НАУКА - ОБЪЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ АТАКИ

© С. К. Шардыко, В. А. Алексеева

Контакт с авторами: direct@cbibl.uran.ru

В предлагаемом докладе авторы еще раз обращаются к необычайно сложному, чрезвычайно деликатному и плохо разработанному вопросу об этнической обусловленности научной деятельности человека.¹ Отечественная философская и научная мысль выработала два на него ответа. Первым современная наука объявляется общемировым явлением, возникшим в Европе на стыке средневековья и Нового времени, и заимствованным народами, проживающими вне европейской культурно-исторической среды. Славяне в эту среду никогда не входили. Мы, русские - "цветные" для "фаустовского человека", и нам современная "техника не является внутренней потребностью".² Техника, как и наука, обеспечивающая ее прогресс, всегда, якобы, русскими людьми заимствовались, но не всегда адекватно осваивались.

Такого рода заимствования действительно осуществлялись в разных формах на протяжении всей отечественной истории, особенно - новейшей. По оценкам западных спецслужб до 70 % разработок советской военной техники, включая атомное оружие, обеспечено за счет дерзких операций советских внешних разведок (КГБ и ГРУ). С другой стороны, жесткий политический императив современности, определяемый как экспансионизм ведущих мировых держав, ставит "под подозрение политико-идеологическую нейтральность трансляции экономических, технологических и культурных моделей из ядра современной цивилизации (англосаксонского мира) на его периферию"³, где Россия в ее сегодняшнем положении и в самом деле оказалась.

В русской философии этот первый на наш вопрос ответ явно сформулирован Г.Г. Шпетом.⁴ Но эта же точка зрения энергично культивируется и в наше время⁵, и особенно отчаянно – с началом "перестройки" и "реформ". Сторонник этой точки зрения настаивает на том, что "наука по большому счету не имеет национальности, – любой исследователь вносит свою лепту в непрекращающийся процесс усовершенствования бытия всего человечества, и плодами открытия, сделанного даже в самой маленькой или "бедной" стране, пользуются (или должны

пользоваться) все народы. Вот почему каждый ученый, даже бесконечно привязанный к своей родине, может, в высоком смысле этого понятия считать себя членом вечной всепланетной "республике" ученых".⁶ Решительным диссонансом этому утверждению звучат слова М. Полани о том, что личная "страстность в науке – это не просто субъективно-психологический побочный эффект, но логически неотъемлемый элемент науки. Она присуща всякому научному утверждению..."⁷ Именно эта страстность всегда зиждется на национальных основаниях.

Эта, критикуемая М. Полани и нами не разделяемая точка зрения, конечно же, имеет некоторые и, при этом, весьма серьезные объективные причины. Образцы "высокой учености" русская наука очень часто находила на Западе, здесь же получали первую серьезную поддержку и многие оригинальные явления отечественной "высокой учености". Но в целом этот взгляд вряд ли проникает на большую глубину. Крайне жестко страдает он поверхностностью видения и тогда, когда выражается людьми, хотя и имеющими профессиональное отношение к науке, но далекими от причастности к синтезу отечественной культуры. Авторы, сотрудники Академии наук и высшей школы, свидетельствуют, что данная точка зрения, граничащая с преклонением перед авторитетом современной западной, т.е. американской науки, сегодня чрезвычайно статусна в административном звене Российской академии, начиная с "молодой" генерации директоров научных институтов. С сожалением мы признаем, что эта генерация окончательно загубит сохранившие себя в "перестройке" и "реформах" остатки того, что в свое время гордо именовалось большой советской наукой.⁸

Исчерпание индустриальных методов производства вещей и идей, переход к постиндустриальным методам общественного производства генерирует импульс глубокой трансформации организационных форм современной науки. И задача нашего доклада состоит в том, чтобы показать, что в постиндустриальной перспективе России⁹ актуальным становится вопрос о формировании новой науки, науки метафизически нового типа, которая, отметим, давно уже заявила о себе и причину которой мы находим в мироотношении¹⁰ русской этнической системы, генерировавшем особый - синтетический тип рациональности. Речь идет о формировании действительно русской национальной науки.

Актуальное существование русской национальной науки связано с прямо противоположным ответом на вопрос об этнической обусловленности науки и как социального института, что почти не подвергается сомнению, и как системы деятельности, и, что самое главное, - как системы знания. Его дают люди глубокие, хотя, бывает, и не ученые. Они замечают, что, может быть, утверждение о безнациональности науки “по большому счету” и соответствует истине, но не есть правда. “У них, - писал Ф.М. Достоевский, - великий аргумент, что наука общечеловечна, а не национальна. Вздор, наука везде и всегда была в высшей степени национальна - можно сказать, наука есть в высочайшей степени национальность”.¹¹ Научное открытие или техническое изобретение - это “узловая точка, в которой материализуется множество духовных импульсов – нужд, интересов, спроса, прихотей и даже причуд данного народа. Мы знаем множество изобретений, пользующихся колоссальным спросом в одной стране и непрививающихся, несмотря на все усилия, в другой”.¹² Сами же ученые редко понимают эту общественную значимость своей работы.¹³

Ученые, часто вопреки собственному огромному значению для отечественной науки в силу своей вовлеченности в русский культурный синтез¹⁴, нередко придерживались именно первой, критикуемой Ф.М. Достоевским, точки зрения. Причем, придерживались ее не только “западники”. Искусство, религия и философия, писал в свое время В.И. Вернадский, почти исключительно основаны на непредсказуемо изменчивых национальных чувствах, и лишь за наукой нет права иметь “национальную моду”. Наука, писал он, устойчива к переменам. Впрочем, оказавшись на чужбине, Владимир Иванович пересмотрел эту свою позицию. Историки науки, изучая относящуюся ко времени эмиграции переписку ученого, сделали вывод, что, только “вернувшись в СССР (в чуждую ему социальную, но в родную этнокультурную среду – Авт.), Вернадский действительно получил колоссальные возможности воздействовать на ход развития науки. Значение его идей вышло за пределы России”.¹⁵

Даже Н.Я. Данилевский, писавший, что “...наука, наравне с прочими сторонами цивилизации, необходимо должна носить на себе печать национальности, несмотря на то, что в научном отношении влияние народа на народ... сильнее, чем в прочих сторонах культурно-исторической жизни”¹⁶, утверждал далее, что наука есть “самый характеристический плод европейского культурного типа развития”.¹⁷ Русской науки нет, по Данилевскому, якобы потому, что каждая цивилизация находит в себе силы

развить лишь одну сторону человеческой деятельности. Европе дано развить науку. России судьбой отведено иное поле деятельности.

Впрочем, сегодня понимание учеными и общественностью того, что наука имеет глубокую и неразрывную связь с человеком и обществом именно на этнокультурном уровне, приобрело решающее значение для социального развития, прежде всего, для преодоления текущего «длинного» кризиса (1991-2007/10 гг.) и в перспективе посткритического развития русской цивилизации. Именно так ставит проблему политик и ученый А.И. Подберезкин: «Не спорю, "русских" и "нерусских" физических законов нет. Но "русская", "германская", "американская" науки как корпоративная традиция, как стиль научного творчества существуют объективно, а в социально-экономических дисциплинах "национальность" науки выходит на первый план».¹⁸

Однако, если бы этническая обусловленность всякой национальной науки, а, следовательно, и русской национальной науки заключалась только в этом, то есть ограничивалась бы признанием права науки на институциональную «национальную моду», то продолжение дискуссии не имело бы смысла. Мы же полагаем, что проблема национальной обусловленности науки много глубже. Отрицающий национальную определенность науки, по существу, особым образом выражает давно отвергнутый науковедением кумулятивистский подход к изучению и восприятию науки. По этой причине он и не может быть поддержан и не поддерживается исследователями, отстаивающими антикумулятивистские концепции развития науки. Среди них - теоретик научных революций Томас Кун. Выбор парадигмы, был убежден Т. Кун, и за это свое убеждение нещадно был критикован К. Поппером, зависит от национальности исследователя, поскольку парадигма, выстраиваясь на вполне конкретном рациональном фундаменте, генерируется и принадлежит конкретному научному сообществу. Куновская научная парадигма имеет два основных значения. Она аккумулирует образцы решения «стандартных» головоломок. Но она же, будучи нагружена социологическим смыслом, эксплицирует «ядро» профессиональной деятельности конкретного (в том числе, и этнически конкретного) научного сообщества.

«Естество» человека как предельное основание национальной науки

Предпосылки к формированию в той или иной стране национальной науки закладываются, прежде всего, включенностью всякого ученого со дня его рождения

в конкретную, т.е. в его собственную этническую систему. Этим объясняется то обстоятельство, что проблема фундаментальной роли национального в науке и философии обнаруживает себя и в сочинениях тех ученых и философов, кто, казалось бы, и не ставил себе цели поднимать эту проблему.

“Разве философ не человек среди людей?” - спрашивал В. Виндельбанд, и отвечал: “Его мысли не возникли иным путем, чем мысли остальных людей. Он, подобно всем людям, переходит от неразмышляющего детства к медленному пробуждению, впитывает из среды, в которой он родился и воспитывался, знания и взгляды, скапливающиеся в нем в виде запаса основных "истин"; он обогащает их самостоятельным исследованием и самостоятельными суждениями; но сфера его мышления и направление его интересов, которые определяют поставленные им вопросы, всегда и необходимо определены для него всей суммой того, что он до того пережил и передумал. Так, с самых различных сторон, с самых отдаленных исходных пунктов сходится в нем, как и в каждом человеке, совокупность представлений, часто весьма разнородных, но все же слитых между собой...”¹⁹ В. Виндельбанд пишет, конечно же, о каждом человеке из непосредственного этнокультурного окружения того человека, “деятельность которого мы называем философской”. И он “может благодаря условиям жизни, духовной одаренности и энергии характера установить единство связи своих представлений путем собственных усилий мысли”.²⁰ Как бы подтверждая нашу догадку, Виндельбанд поставил на первое место среди обстоятельств успешной деятельности философа условия его жизни. Впрочем, проявления человеком духовной одаренности и энергии характера также зависят от социальных и этнокультурных условий его работы, которые поставляют ему все разнообразные элементы познания, возникшие и развитые, накопленные и укрепленные в его голове задолго до того, как он, - признанный сообществом мыслитель, установил свой “основной принцип”. Речь Виндельбанд ведет об “элементах познания”, накопленных только потому, что они генерированы в голове философа или ученого его естественным окружением - его этнокультурной средой. Именно эту среду имел он в виду, когда писал о Сократе: “Вся его оригинальность состоит в том, как он ищет истину”, а “его поиски истины находятся в теснейшей связи с духовным состоянием его народа”.²¹ Иными словами, вся оригинальность величайшего философа, открывшего разум²², есть сосредоточенный в этом конкретном человеке

прорыв всей этнической системы, известной нам под именем “древние греки” к научной образованности как к новой общественной силе.

Древние греки, в отличие, например, от их прямых культурных наследников - римлян, “обладали необычайно острым чувством времени. Они жили в эпоху, когда история двигалась с чрезвычайной скоростью, и в стране, где землетрясения и эрозия почвы меняли ее лицо с силой, с которой вряд ли еще где-нибудь можно столкнуться. Вся природа была для них зрелищем непрерывных изменений, а человеческая жизнь менялась быстрее всего”.²³ Родная природа сделала греков “особо чувствительными к истории”²⁴, и природа же средиземноморья, но уже другого его полуострова, сделала римлян странно глухими к ходу собственной истории. Отсюда, делает вывод Р.Дж. Коллингвуд, мы обнаруживаем две совершенно различные науки истории: с одной стороны “отец истории” Геродот и Фукидид, а с другой - Полибий, Ливий и Тацит. “С точки зрения метода, Тацит - это уже упадок”.²⁵

Наука, пожалуй, не имела бы национальной определенности, если бы “логический принцип” был бы своего рода “естественным законом мышления”. Однако, “логический принцип, нравственный закон, эстетическое правило не являются естественными законами мышления, воления или чувствования, согласно которым в действительности совершается при всех обстоятельствах реальный процесс душевной жизни”.²⁶ Они, пишет В. Виндельбанд, формируются процессами “самооценки личности”, и этот процесс можно понять, если перейти “к более простому явлению оценки отдельным человеком деятельности другого. Ряд познавательных элементов, например, определенный круг опыта, может быть общим у различных людей. Тем не менее, переработка этого материала в связное воззрение будет у каждого из них различной. Последовательность отдельных наблюдений, интерес к тому другому из них, точность воспоминания, осторожность в размышлении, способность к комбинированию - все это меняется от индивида к индивиду, и это легко объясняет, почему при полном равенстве психологических законов соединения представлений из одинаковых элементов получают совершенно различные результаты. Все эти процессы ассоциации, происходящие в отдельных людях, как и их результаты, обусловлены естественной необходимостью”.²⁷ Но, именно эта естественная необходимость и несет в наибольшей степени этнокультурную нагруженность. Следовательно, “логический принцип” науки не может быть определен вне этнокультурного контекста.

Авторами формулируют собственный ответ на вопрос об этнокультурной обусловленности научного и философского знания. Ответ этот выстраивался с опорой на идею В.С. Степина о связи крупнейших этапов эволюции науки с двумя господствовавшими в разные периоды истории типами рациональности. Классическая наука связана с ноуменологическим (каузальным) типом рациональности. Неклассическая наука связана с феноменологическим (телеологическим, т.е. имеющим цель, устремленным к заранее поставленной цели) типом рациональности.²⁸

В связи с нашим ответом мы возвратились к почти забытому понятию “*ноумен*”. Понятие “ноумен”, обозначающее умопостижимое (Платон), “вещь в себе” (Кант), позволяет строго развести модель и то, что моделью не является. Он позволяет отделить модель и от феноменологической теории (описания), и от синтетической теории (образа). В современном прочтении понятие “*ноуменализм*” (учение о ноуменах) - есть интенция сознания к постижению субстанциальности бытия, глубинных сущностей, скрытых за явлениями и отвлеченных от них, постигаемых только рассудком. Результатом ее оказывается выстраивание метафизической модели мира, акцентация внимания на вопросах об общей природе, истоках, генезисе феноменов реальности. Этот подход концентрированно выражен метафизическими системами философской классики (Платона, Канта, Гегеля). Ведущим методом научной работы в ноуменологической парадигме является выдвижение гипотез (моделей) о внутренней структуре явления, репрезентирующих скрытую за явлением сущность. Классической наукой, т.е. методами конструирования моделей (теорий) различных элементов реальности ноуменализм редуцирован к множеству ноуменологических теорий (парадигм).

Научная революция начала XX века решительно потеснила ноуменологическую рациональность классической науки. Господствующей стала феноменологическая рациональность неклассической науки, основанная на *феноменализме*, представшем, по сути, как “обращенность сознания на самое себя” (Х.-Г. Гадамер), как интенция сознания к постижению тех его собственных характеристик, через которые реальность доступна нашему опыту. *Феномен* - это предмет в форме его чувственного восприятия. Явление мира в сознании феноменолога и есть сам мир. Внимание его обращается не на предметы мира, а на акты сознания. Ведущим методом научной работы в феноменологической парадигме является объяснение. Объяснить явление - это, значит, подвести его, конкретное, под всеобщее, что

сводится в научной парадигме к описанию явления системой аксиом (фундаментальных принципов) и следующих из них теорем. Так построены термодинамика и по ее образцу - теория относительности, что признавал А. Эйнштейн, говоривший о своей теории только как об описании.

В философии попытка преодоления дихотомии ноумена и феномена представлена в “неклассических онтологиях” Гуссерля, М. Хайдеггера, Н. Гартмана, Э. Блоха. Так, феноменология (Гуссерль, Шелер) рассматривает явление как само обнаруживающееся бытие. Наука накопила богатейший опыт преодоления этой дихотомии, соответствующее для этой работы методологическое и операциональное обеспечение, впрочем, так и не решив эту проблему “до конца”.

Феноменологическая теория (феноменологическая парадигма) есть система алгоритмов, являющих предмет исследования в сознании исследователя. В ее пределах предстающий в сознании феномен конкретизируется описанием (фантомом) реальности. Переход от ноуменологической парадигмы к парадигме феноменологической есть движение познания от первоначального, часто в неадекватных, случайных – тезисных (модельных) – формах “схватывания” (репрезентации, представления) сущности²⁹, к явлению, полностью в пределах конкретной парадигмы описанному, к описанию, моделью принципиально не являющемуся – к антитезису. Этот переход, реализуемый когнитивным скачком (революцией), задает динамику, доопределяющую тезис, устранившую из ноуменологической теории “слишком” случайные формы схватывания. Эти “доопределения” в истории науки связаны с отказом от “флогистона”, “теплорода”, “эфира” и других некогда фундаментальных понятий. Далее, познание движется от явления к сущности систематически познанной, т.е. понятой. Это, возможное в конкретной парадигме ее понимание выстраивается системой понятий синтетической теории.

И вот, на излете XX века уже феноменологическая рациональность продемонстрировала свое эвристическое бессилие. Переживаемая нами эпоха уже не довольствуется объяснениями и описаниями. Она требует понимания, и кризис современной науки³⁰ мы определяем как кризис понимания.³¹ Этот кризис сегодня жестко обозначил себя потому, что “исторический мир, наряду с миром ценностей и жизненным миром, требует мобилизации особого рода интуиций, относящихся к понимающему знанию”.³² Исторический мир сформулировал заказ именно на

интуиции, которых невозможно заменить знанием, поскольку просвещение есть прямо противоположный процесс, культивирующий недооценку “опыта прежних поколений и представления о неограниченных возможностях живущих, на чью долю, якобы приходятся главные события”³³ мировой истории. На фоне этих построений “интуиции знания понимающего выглядят архаичными, хотя, тем не менее, именно они выигрывают в достоверности... Проблема видится в следующем.

Прогрессистская концепция ориентируется на линейно восходящее развитие, поэтому перерывы и откаты в истории она просто вынуждена либо списывать на случай, не затрагивающей логику последней, либо ссылаться на вмешательство злокозненных реакционных сил.

Понимающее же знание востребуется именно в этот момент загадочных отступлений, в которых оно видит не случайное и отклоняющееся, а само проявление сути истории”.³⁴ И так, сама суть истории требует понимания, а понимание с нашей точки зрения есть продукт синтезирующей его интуиции. Повторения истории, когда “упорядоченная, достигшая благополучия цивилизация переживает надлом, теряет присущую ей ранее энергию и в поисках новых ее источников обращается вовне”³⁵, формируют ощущения взаимной дополненности материального и духовного мира, - мира энергии и мира информации, технократии и власти гуманитариев. И в мире переживающей спад русской цивилизации главную проблему, отмечает А.С. Панарин, составляет именно дефицит энергии. Причем дефицит энергии, которую невозможно отыскать с помощью новой научной информации. Это те, - “другие, “тонкие” (ее формы - Авт.), к истокам которых невозможно пробиться, мобилизуя обычные типы знания, ибо эти источники скрыты в глубинах человеческого духа и открываются только вместе с преобразованием этого духа посредством преобразования системы ценностей и жизненных смыслов. Здесь классическое знание, ориентированное на поиски причинных связей, мало чему может помочь. Требуется совершенно другой тип рациональности - Логос, в чем-то близкий гностическому, находящему в современности следы (и возможности) тех состояний, когда Истина, Добро и Красота еще не были противопоставлены друг другу. К этому логосу и восходит тип понимающего знания, альтернативного объяснительному. Альтернативному не в смысле полной замены и вытеснения, а в смысле противоположной устремленности”.³⁶

Если в классической философии, И. Кантом, например, феномен принципиально противопоставлен ноумену, как явление сущности, принципиально непознаваемой, то научным творчеством феномен редуцируется к объяснению реальности, которое и есть продукт его описания феноменологической теорией. Если здесь он естественным образом дополняется ноуменом, т.е. конструктом - моделью предметов (фрагментов) реальности. Если в классической философии феномен представлен как продукт экспликации, выписывания элементов чувственного опыта (в естествознании ему соответствует совокупность параметров, например: температуры, давления, объема и т.п.), а ноумен – продукт интеллектуального созерцания, конструируемый за пределами опыта, то в естествознании феномен и ноумен получают возможность поменяться местами. Феномен – явление в сознание человека, например, физической системы - описывается математической, т.е. по определению, идеальной системой уравнений движения (состояния) исследуемой системы. И та сущность, что скрыта, за массой, перемещением, скоростью и ускорением, например, колеблющегося тела, естествоиспытателя-феноменолога не интересует. В своей парадигме он при всем желании не воспроизведет скрытую за описанием сущность. Более того, вопрос о сущности он сочтет лежащим за пределами своей науки. “Уравнения Максвелла, - скажет он, - и есть электродинамика Максвелла”, и иной сущности за ними быть якобы и не может. “Чистый” феноменолог бессилен перед сущностью. Воспроизводя свои интеллектуальные фантомы, и используя для этого извлеченные из опыта элементы реальности (массу, перемещение, скорость, ускорение), он вынужден оставить за пределами своего описания некие ноуменологические (реальные, чувственно осязаемые, в мастерских изготовленные) конструкции – инструменты, благодаря которым только и можно количественно характеризовать “элементы чувственно воспринимаемого опыта”.

Иную познавательную ситуацию воспроизводит автор синтетической теории, демонстрируя своей работой синтетизм исследовательских качеств. Термином “*синтетизм*” мы обозначаем интенцию сознания к обретению понимания, т.е. переход в состояние сознания, обладающее в силу приобретенного умения или природной способностью концентрировать внимание одновременно и на сущности, и на явлении.

Синтетизм, полагаем мы, может быть логически непротиворечиво воспроизведен как учение о синтезе. Кстати, первым это сделал Г.В.Ф. Гегель, зафиксировав

интенцию познания к синтезу знаменитой триадой “тезис - антитезис - синтез”. Гегелевский или диалектический синтез есть логически воспроизводимый, с той или иной степенью точности вербализуемый и рационально постигаемый процесс. Но есть и синтез принципиально иного рода. Этот синтез-интуиция, осуществляемый как бы сам собою, без видимого рационального усилия познающего субъекта, т.е. за пределами разума и рассудка, в силу природной страсти - на уровне предельных оснований - есть синтез метафизический, естественно встроенный в само мироотношение человека. Человек синтетического мироотношения обладает и синтетичностью мышления.

Синтетичность мышления признается историками русской науки и философами превосходным качеством русской учености, давшей жизнь теориям Ломоносова, Докучаева и Менделеева, Циолковского и Вернадского, другим явлениям русской науки. Фундаментальное отличие этих теорий от номенологических конструкций и феноменологических описаний состоит в том, что они воспроизводят в себе и претендующие на универсальность феноменологические принципы, и конкретные идеальные конструкции фрагментов реальности (модели). При этом феноменология и модели, соответственно, описывающая однородную совокупность явлений и репрезентирующие скрытую за ними сущность, в контексте синтетической парадигмы, не исключают, а дополняют друг друга в образе реальности.³⁷ Синтетическая теория в интерпретации русского ученого-мыслителя по сути своей, по специфике, по истокам и методам формирования чрезвычайно метафизична. Но метафизична она не в европейском классическом понимании метафизики как философского учения “об общих, отвлеченных от конкретного существования вещей и людей, принципах, формах и качествах бытия...”³⁸ Синтетическая теория понимается русским сознанием как метафизика, действительно объемлющая собой и “укорененный в Абсолюте” универсум, и реальный человеческий опыт.

Эту особенность русской философии отмечают многие исследователи. Так, П.И. Флоренский констатирует “метафизичность жизни и жизненность метафизики”, характерную для русской философской мысли: “Христианский метафизик никогда не утратит конкретности”.³⁹ Мы не случайно ссылаемся на мнение философа, определившего русскую философскую традицию как традицию неизменно метафизическую, в которой метафизика тождественна самой человеческой жизни, и в которой, в отличие от традиции европейской, проблема “преодоления” метафизики

никогда не носила предельно обостренного и доминантного характера. Этим мы акцентируем специфику русского национального мироотношения и выражающей его философии в контексте известной проблемы динамики и преодоления классической европейской метафизики. Мы считаем, что это преодоление осуществимо отечественной культурой как воссоздание совсем иного рода метафизики – метафизики как высочайшего достижения философии, сочетающего две противоположные и трудно совместимые способности: “способности к абстрактному мышлению в его высшей форме и способности к конкретному созерцанию реальности на его высшей ступени”.⁴⁰

Нынешний общий функциональный кризис науки связан с тем, полагаем мы, что как ноуменологический, так и феноменологический типы рациональности достигли своих естественных эвристических пределов. Преодоление этих границ, с нашей точки зрения, возможно лишь синтетическим типом рациональности, генерирующим синтетические парадигмы. Именно эти парадигмы затем и когерируют в контекст новой постнеклассической науки. Мы утверждаем то, что именно русская культура, в самых разных своих формах воспроизводящая синтетический тип рациональности, принципиально отличный от европейского, т.е. ноуменологического и феноменологического рациональных типов, произвела и принципиально иной тип науки. О русской науке уже можно сказать то же, что обычно говорится и о русской культуре. В русской науке, как и в русской культуре вообще, “безусловное значение принадлежит не умственной, а нравственной области”⁴¹, понимаемой как “естественный способ видеть и понимать мир”.⁴² Этот способ мировидения (являющийся частью мироотношения), изложенный языком науки, противоположен мировидению (соответственно, мироотношению), зафиксированному как в европейском классическом или “кантовском” типе науки, “в глубочайшем существе своем эклектичном и противоречивом, аналитичном, дробном, сложенном из противоборствующих и стремящихся каждый к самостоятельности элементов”⁴³, так и в современном неклассическом или “эйнштейновском” ее типе.

Ритмы языка: циклы мировой истории и динамика национальной науки

Этническая обусловленность науки отчетливее всего видна в разности языков, излагающих системы научного знания. В мире используется более восьми тысяч языков, не считая диалектов, но даже не все великие языки, имеющие тысячелетние литературные традиции, могут быть названы языками современной науки. Не более

двух десятков национальных языков можно сегодня назвать языками современной науки. Среди языков научных публикаций: английский, русский, немецкий, французский, итальянский. Д.И. Менделеев упоминал среди языков, на которых публикуются научные произведения, шведский, венгерский, голландский.⁴⁴ Пожалуй, еще - испанский, польский, болгарский..., сегодня - греческий и турецкий, возможно - португальский. Фундаментальный научный трактат, написанный в Европе на немецком, французском, английском языках или в России по-русски, невозможно с предельной адекватностью перевести на арабский, китайский или японский языки.

Япония - лидер постиндустриализма, и язык ее народа, казалось бы, максимально приспособлен к трансляции научного знания. Но это не так. «Япония в силу ряда национальных, этнокультурных и языковых причин оказывается отделенной от многих народов мира рядом незримых барьеров. Японские бизнесмены, политики и инженеры, несмотря на всю психологическую гибкость, толерантность, корректность поведения и т.д., по-видимому, достаточно остро ощущают дискомфорт этих барьеров».⁴⁵ Очевиден этот дискомфорт и в среде ученых. Научная статья, написанная японскими иероглифами, обычно испещрена вставками на английском языке. Адаптация научной терминологии заканчивается в ней тем, что английские фразы заменяются далее подобием иероглифа, составленного из начальных букв слов этой фразы. В практике иероглифического письма мы видим одну из причин явно недостаточного, на фоне процветания ряда инженерных наук, развития в Японии науки фундаментальной. Исследователь, хорошо владеющий реалиями японского мира, пишет, что лишь «очень немногие из главных научных технологий зародились в Японии. Японцы просто берут новые идеи, касающиеся широкого диапазона товаров, начиная от автомобилей и, кончая полупроводниками, и, проявив чудо изобретательности»⁴⁶, поступают с ними точно так же, как со словами английского языка, заменяемыми латинской аббревиатурой, инкрустируемой в текст, начертанный иероглифами.

Но, иероглифы - это не просто одна из возможных форм фиксации языка. Сравнивая письменность на основе алфавита и иероглифическое письмо, Хосе Ортега-И-Гассет пишет: «Наша письменность практичнее китайской, поскольку создана на механической основе. Каждой букве дан знак. Но буквы не обладают значением и не выражают идей, а потому наша письменность, строго говоря, бессмысленна. Китайцы же, напротив, напрямую обозначают идеи и куда ближе к течению мысли. Писать или читать для китайца значит мыслить, и, наоборот,

мыслить - это почти всегда писать или читать. Поэтому знаки китайского письма точнее наших отражают процесс мышления. Скажем, когда китаец стремится выразить особое и неповторимое состояние грусти, он вынужден подыскивать для него знак. И тогда он соединяет две идеопрограммы: одна означает "осень", другая - "сердце". Грусть понимают и записывают как "осень сердца"⁴⁷.

Если, пишет М. Полани, "значение слова формируется и проявляется в его многократном употреблении", то "язык должен быть настолько беден, чтобы можно было достаточное число раз употребить одни и те же слова"⁴⁸. М. Полани назвал это утверждение "законом бедности". В свою очередь, чтобы слова были узнаваемы при воспроизведении устной речи или чтении фонемы и буквы должны многократно повторяться. В этом смысле, любой язык, фиксируемый в письме иероглифами - знаками идеографического письма, означающими не звук или слог, а "идею", "понятие", много богаче и, заметим, точнее любого европейского языка. Японское иероглифическое письмо, заимствованное, кстати, из Китая, с точки зрения "закона бедности" чрезвычайно богато. Но именно в силу своего богатства иероглифы создают принципиальные проблемы для национальных научных кадров тех стран, где используется иероглифическое письмо. Иероглифы, великолепно соотносясь с мироотношением носителей японской культуры, наложило жесткие граничные условия на траекторию японской научно-технической мысли.

Япония убедительно засвидетельствовала наличие жестких пределов, накладываемых национальным мироотношением на международную преемственность в развитии "мировой" науки. Великолепная техническая физика здесь развивается при практическом отсутствии сколько-либо значимых достижений японских ученых в решении фундаментальных физических проблем. "Силы Юкавы" - модель взаимодействия двух ядерных частиц - протона и нейтрона посредством обмена третьей - мезоном, предложенная в 1935 г. молодым японским физиком Х. Юкавой - есть "исключение, подтверждающее правило". Юкава - это европейский физик японского происхождения. В словаре "Физика микромира" имя Юкавы упоминается восемь раз (столько же, сколько имя чрезвычайно разностороннего и глубокого Ричарда Фейнмана) и исключительно в связи с этой моделью. Возвращение Юкавы на родину не способствовало развитию его, несомненно, значительного по европейским меркам творческого потенциала. Как и в прямо противоположном случае возвращения В.И. Вернадского в Советскую Россию, это произошло по причинам этнокультурного характера. Отметим, что Х. Юкава был

коммунистом в очень суровое для японской нации время. Учитывая, что японские евреи, сохранившиеся здесь со времен Великого шелкового пути, составляли костяк коммунистической партии Японии, мы выскажем предположение о наличии у Юкавы еврейских корней, а, следовательно, сохранившейся у него связи с древней еврейской письменной традицией – связи, неременной для большинства выдающихся творцов неклассической науки (Эйнштейн, Гильберт, Бор, Борн и др.). Верность нашего предположения могла бы объяснить ту легкость, с которой он как исследователь инкрустировал себя в научный контекст, выписанный текстами на основе нескольких десятков букв.

Текст, написанный буквами, допускает бессмысленное чтение, от которого читающий тоже получает немалое удовольствие. Это чтение описан бессмертным Гоголем. Чичиковский лакей Петрушка имел “благородное побуждение” к “чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, - он все читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше само чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает, что и значит”.⁴⁹ Чередованием букв задает механический ритм, и гоголевского героя захватывал именно этот ритм механического чтения. С началом Нового времени ритм этот подхвачен машиной, отбивающей помимо основного, очевидного тона еще и обертона иных глубинных подтекстов.

Отрыв мышления от письма и чтения воспроизводит и другую крайность - написание многосмысленных текстов и чтение с “понимаем” скрытого (истинного, сакрального) смысла, предназначенного, якобы к пониманию посвященными. Герменевтика - наука об извлечении из текста “вторых” смыслов - это, вероятно, исключительно европейское явление⁵⁰, поскольку, например, образованный китаец или японец, владеющий принципами иероглифического письма, способен адекватно понять текст, написанный и три тысячи лет назад.⁵¹ Однако герменевтика своим появлением лишь формализовала повсеместную практику, сложившуюся в Средиземноморском ареале тысячелетия назад, с того самого момента, как финикийцы придумали алфавит. Надо сказать, далеко не безобидную практику.

Мы связываем с этой практикой регулярное в начале каждого столетия вызревание непреодолимой тяги к военному переделу экономической и политической гегемонии в мире. Так называемые гегемонистские войны начинают собой каждый новый столетний цикл (“sicle”, фр. - “век”) мирового развития. Первая мировая война, наполеоновские войны, война за “испанское наследство” и Северная война, Тридцатилетняя война - все это войны за гегемонию в цивилизованном мире. Проследившая и далее эту последовательность в глубь веков, мы обнаруживаем, что подобного рода войной была и хорошо известная историкам Пелопонесская война 431-404 гг. до н.э. Борьба Афин и Спарты за гегемонию в Греции вывела в гегемоны цивилизованного мира того времени до того мало кому известную Македонию.

Какой, однако, механизм задает этот не прерывающийся уже несколько тысячелетий четкий машинный ритм, - ритм, в котором уже прослушивается фундаментальнейшая угроза начинающегося столетия, - угроза войны за глобальную гегемонию? Мы полагаем, что и этот ритм выдерживается благодаря подавляющему господству в коммуникациях между европейцами письменности на основе алфавита. Но, где же тогда механизм, синхронизирующий саму ритмику буквенной письменности и столетний ритм гегемонистских войн? Под углом зрения ответа на этот вопрос имеет смысл еще раз обратиться к статье В.И. Шарина “Язык, наука и идеология в аспекте национальной безопасности”. Этот механизм, вероятнее всего, скрыт в “неистребимой идеологичности языка”. “Фундаментальные зависимости между структурами языка и власти” один раз за столетие европейской истории воспроизводят состояния всеобщей открытости к Великой Утопии, способной столкнуть десятки и сотни миллионов людей в кровавом месиве мирового конфликта. Язык, фиксируемый алфавитным письмом, как бы сам собой и притом совершенно синхронно воспроизводит такого рода состояния как “систематические объяснения реальности”, использующие для этого априорные, “метафизические” принципы, лежащие в самых основах бытия приходящих в столкновение этнокультурных систем.

Поражающее воображение синхронизация устанавливается не только в силу идеологичности и политичности языка как средства коммуникации, но еще и потому, что язык является в силу своей “обыденности” самым мощным “инструментом социального контроля”. Естественная включенность человека в языковую культуру естественным же образом без видимого насилия подчиняет его жизнь идеологической Утопии. Без ведома и участия человека Великая Утопия делит мир

на своих и врагов - на тех, кто несет добро и благо, и на носителей зла. Материал для такого деления в избытке дает языковая (литературная) практика, практика толкования чужих слов, наполнения чужих текстов собственным смыслом. Именно сегодня, таким образом, вырывают утопии, идеологически уже разделившие планету на мир атлантической идеи, к которой парадоксальным образом пристегнута Япония (ритм японского языка не когерирует с циклами европейской истории), мир евразийской и мир исламской идентичности. Вне этого деления пока оказался Китай.

В Китае и Японии иная, чем в Европе, письменность, иной и ритм синхронизации исторических событий и ситуаций. В обширнейшем географическом ареале распространения иероглифического письма не слышно боевого железного ритма машины мировой истории. Но самых жестоких войн, нередко с полным вырезанием поверженной стороны, на бескрайних просторах азиатского континента было не меньше, чем в Европе, но на востоке обнаруживает себя другая динамика великих войн, чужая европейцу и почти непонятная европейскому сознанию. Глобализация современного мира означает и приближающийся резонанс европейского и азиатского ритмов истории: мерной поступи европейской машины и лавины азиатского отчаяния. В соединении этого почти несоединимого вырывает трагедия общепланетного масштаба. Грядущая сватка будет войной за образ цивилизации, за его научно-техническую компоненту, за право быть ядром постиндустриального цивилизованного мира - за науку и технику XXI века.

Складывающаяся ситуация усугубляется и той особой проблемой языка науки, состоящей в накоплении неопределенности научных терминов, и которая, казалось бы, не имеет ни малейшего отношения к обстоятельствам глобального характера. Температура, энергия, электричество, вероятность и другие широко используемые научные термины сегодня обозначают не то, что они обозначали сто или даже пятьдесят лет назад. Исследователь, обращающийся к трудам прошлого, должен читать их с поправкой на время. Это общеизвестно, но неопределенность терминов накапливается и при трансляции научных текстов от народа к народу.

” следующее: “Став, по видимому, во времена Платона техническим термином, это слово означало именно то, что мы теперь обоαιφoσoλιφСам термин “наука” как и термин “философия” обнаруживают давно установленные неопределенности при их использовании в контексте различных языковых культур. Более ста лет назад

Вильгельм Виндельбанд писал по поводу восприятия его современниками слова “значаем словом "наука" и что, к счастью охватывает значительно больше, чем английское и французское слово "science". Это - имя, которое получило только что родившееся дитя”⁵². αιφoσoλιφ Отметим, что философию русские заимствовали непосредственно у греков, следовательно, русская “философия”, несомненно, ближе к историческому началу, нежели англоязычное “philosophy”, появившееся в процессе латинской переработки греческого понимания смысла, заключенного в термине⁵³ Кстати, понятийная переработка научной и философской терминологии в сторону опрощения их выразительности продолжалась и далее, например, при переводах научных текстов с латинского языка на национальные языки.

А.Н. Крылов пишет, что при переводе “Начал” с оригинала, т.е. с латино-английского, “принята менее выразительная, но общеупотребительная теперь терминология”.⁵⁴ Иначе и быть не могло, ибо, констатирует Г.Д. Гачев, “перевод с языка на язык - это с Космоса на Космос. И не только на другой, словесный - русский язык, что есть целое иное мирозерцание, но и иное отношение ума к миру, что отличает современного частного специалиста, ученого физика, от тотального мыслителя, теолога Творения, состязающегося умом с Целым бытия, с Богом самим. В языке Ньютона - тот же раджас кипит, воля и страсть, что и у Шекспира”.⁵⁵

Последствия языковых неопределенностей фундаментальны. Они трагичны. Неопределенности возникают в языковых операциях над категориями, а категории существуют либо как категории логические, либо как категории грамматические, и связаны с функционированием двух соответствующих им типов мышления. Мышление “логическое” и мышление “грамматическое” функционируют “на уровне трансформации в виде двух несовпадающих языковых практик”⁵⁶, задающих два языковых ритма. С ритмом “логического мышления” резонируют технократы, на ритм “грамматического” откликаются гуманитарии - “грамматократы”. Эти ритмы мышления и власти сложным образом взаимодействуют потому, что “все многообразии семиотических систем не только подчиняется собственно логике развития, но и является результатом их сложного взаимодействия”.⁵⁷ Взаимодействие между языковыми практиками возможно и неизбежно потому, что и та, и другая захватывают одновременного каждого человека. Конечно, почти никогда они не захватывают конкретного человека в равной степени. Поэтому столь и очевидно деление людей на “физиков” и “лириков”, “технарей” и “гуманитариев”, “технократов” и “грамматократов”. Но, в

конечном итоге, обе эти практики захватывают каждого участника коммуникации. Они присутствуют одновременно во всякой этнокультурной системе и всякой социальной среде в форме ритма природной и ритма знаковой реальности, на которые, отмечает В.И. Шарин, в процессе коммуникации редуцируется противостоящая человеку наличная реальность.

Это несовпадение языковых практик, первоначально обнаруживающее себя в терминологических неопределенностях, в завершающей фазе столетнего цикла вырастает в трагический разрыв, который может быть заполнен только лишь с использованием внешних по отношению к данным практикам ресурсов, т.е. ресурсов, внешних по отношению к данному языку. Поиск необходимых ресурсов, по сути “тонких” энергий, осуществляется с помощью идеологий. Именно в завершающей фазе цикла - в периоды интенсивной подготовки себя к грядущей схватке за передел мировой гегемонии и выстраиваются идеологические конструкции, заполняющие фундаментальный разрыв между “логикой” и “эмоцией”. Идеологические конструкции (утопии) стягивают языковые практики в эфемерное, а потому временное “единство” национального языка. Таким вот образом на уровне сопряжения “логического” и “грамматического” мышлений обеспечивается и единство нации. Но это единство реализует себя, только активизируя архетипические ресурсы противостояния социальной системы внешней угрозе. Активация ресурса противостояния “врагу” есть интенсивная динамика, в считанные годы выводящая нацию на траекторию эскалации вооруженного противостояния, завершающегося военным конфликтом. “Логика” в этом движении подчиняется “эмоции”, но и питает эмоционально заявленную гегемонистскую претензию реальным или кажущимся реальным ресурсом противостояния.

Грамматократы не могут обойтись здесь без технократов. Они могут реально действовать только подчинив технократов Великой Утопии. Эмоции должны быть вооружены и стреляющими идеями, и реально стреляющим оружием, а оружие - это продукт и дело “логического” мышления. Таким образом, первоначально едва улавливаемые специалистами (историками и переводчиками) неопределенности языковых форм стремительно, т.е. обычно менее чем за столетие разрастаются в чудовищный разрыв реальности, который уже невозможно сшить средствами языка, и который стягивается лишь силой оружия. Именно неопределенности записанных буквами слов (идеологий⁵⁸), в конце концов, и задают ритмику самых мощных социальных, международных, межнациональных и внутриэтнических конфликтов.

Они - неустранимые первоэлементы того механизма, что и задает столетний ритм гегемонистских войн, достигших в XX веке мирового, а к началу XXI века - глобального масштаба.

“Семиотическая смерть вселенной”

Вольтер, кстати, один из первых исследователей философии и научного творчества И. Ньютона, писал по поводу своих переводческих опытов: “Я осмелился перевести несколько отрывков из лучших английских поэтов и предлагаю вам отрывок из Шекспира. Будьте снисходительны к переводу во имя оригинала и вспоминайте всякий раз, когда вы видите перевод, что перед вами всего лишь бледная копия прекрасной картины. Я выбрал монолог из трагедии "Гамлет", известный всему миру и начинающийся со стиха: To be or not to be, that is question”.⁵⁹ Далее Вольтер приводит в собственном переводе, естественно, на французский язык, действительно хорошо известные слова Гамлета, принца Датского, и мы не узнаем их. “Не думайте, - как бы оправдывается философ, - что я передал здесь английский текст слово в слово. Горе тем, кто переводит буквально и, передавая каждое слово, обескровливает смысл. Именно в этих случаях следует сказать, что буква убивает, а дух дает жизнь”.⁶⁰

И в сегодняшнем мире, охваченном информационной сетью, в значительной степени и по причине неопределенности терминов и еще большей неопределенности обозначаемых ими понятий не так то просто перевести с одного языка науки на другой язык научный текст и, конечно же, не только научный. Это чрезвычайно трудно сделать в уже отмеченных нами случаях перевода с какого-либо европейского языка на японский или китайский язык. Но это трудно сделать и тогда, когда перевод осуществляется с одного европейского языка на другой европейский язык, например, с английского языка на русский язык. Вот как резюмируют свой труд переводчики великолепной книги физико-химика М. Полани “Личностное знание”. Ее перевод с английского языка на русский язык “оказался делом не простым. И не столько потому, что автор свободно оперирует специальными знаниями из самых различных областей, сколько *в силу тех самых особенностей мышления и языка*(выделено нами – Авт.), которые стали основным предметом этой работы”.⁶¹ Не следует ли отсюда вывод, что, действительно, лучше не переводить, чем переводить плохо?⁶² Задача, которую авторы намерились решить, приступая к написанию своего доклада, состоит в том, чтобы показать

фундаментальные, прежде всего, философско-методологические основания для отрицательного ответа на этот вопрос. И вот почему.

Немецкий язык - язык науки 18-го, 19-го века и начала 20-го сдал позиции резко и, похоже, необратимо. Историки науки заговорили об исчезновении немецкой физики “после Гитлера”. Действительно, хотя сегодня в ФРГ физиков никак не меньше, чем в довоенной Германии, но их вклад в мировую науку не является даже бледным подобием того, что вносила германская нация в любой сравнимый по продолжительности с послевоенным период времени XVIII-го XIX-го и начала XX-го веков.⁶³ Употребление немецкого языка в научной периодике уже давно стало столь ничтожным, что молодые люди - наши соотечественники, желающие сдать экзамен кандидатского минимума по иностранному языку, испытывают колоссальные трудности в поиске научной литературы именно на немецком языке. Под исполненными на языке Гете и Шиллера обложками изданных в Германии (в ФРГ и ГДР) журналов они обнаруживают статьи, написанные немецкими учеными по-английски или... по-русски.

Сегодня в подобной ситуации может оказаться великий русский язык. Проведем, своего рода, “следственный эксперимент”. Заглянем под исполненную на языке Пушкина и Достоевского, Ломоносова и Вернадского, Королева и Курчатого обложку журнала Российской академии наук “Ядерная физика” (главный редактор академик Ю.Г. Абов). В первых девяти номерах этого журнала за 2000 год мы обнаружили, что из 1760 страниц только 1039 страниц на русском языке. На остальных 731 страницах русские ученые предпочли изъясняться с коллегами по-английски. И журнал “Ядерная физика” - не единственное академическое издание в этом роде. Другой пример - научные конференции. Проводимые в нашей стране и на деньги российского бюджета - русских налогоплательщиков, они почему-то все чаще проводятся на английском языке.⁶⁴ Конечно, публикация научной статьи или доклада на английском языке, несомненно, облегчает контакты русскоязычного автора с его англоязычными коллегами. Но, заметим, что облегчает лишь в какой-то степени⁶⁵, т.е. лишь в той степени, в какой англоязычные коллеги эту статью пожелают и смогут прочесть. А для того, чтобы с пониманием прочесть научную статью иностранца, нужно не только знать его язык, но и быть хотя бы минимально включенным в его национальную культуру, уметь проникать в мироотношенчески обусловленную рациональность автора.

Публикация статей на английском языке в отечественных научных журналах, имеющих, заметим, англоязычные версии, выстраивает искусственные барьеры для акцептирования данной отраслью знания новых и принципиально новых идей. В свое время В.И. Вернадский доказал, что подобного рода идеи приходят в науку из не науки, а из производства и обыденной жизни, из философии и религии. Крупнейший теолог - великий Ньютон нередко обращался к божественным аргументам для усиления своей научной позиции. “Закон тяготения, - писал он Бентлею, - отлично объясняет удлиненную орбиту комет; что касается почти круговой орбиты планет, то нет никакой возможности уяснить себе удлинение ее в одну сторону, и потому она могла быть произведена только самим Богом”.⁶⁶ А идея “всемирного тяготения” вообще заимствована И. Ньютоном из оккультных сфер. И вот сейчас, исходя из самых благих побуждений, ученые-специалисты блокируют развитие своей области исследований. Но, мы покажем далее, что вытеснение русского языка из научных коммуникаций чрезвычайно опасно и для мировой науки. Оно грозит ей тем, что В.И. Шарин назвал “семиотической смертью Вселенной”.

Поведение и мышление людей определяются языком, которым они владеют в качестве “родного” языка. “Вообразить себе язык, - пишет Л. Витгенштейн, - значит, вообразить форму жизни”.⁶⁷ Мышление человека в чрезвычайно высокой степени зависит от структуры языка, тем более - научное мышление. Язык - “душа народа” - накладывает жесткие рамки на форму изложения научного материала, на его подбор, способы работы с ним, логику построения теоретических конструкций и даже, как мы уже показали на примере японской науки, - на само участие великой нации в развитии и освоении фундаментального знания. Национальный язык диктовал исследователю свои условия даже тогда, когда ученые “всего мира”, т.е. жители нескольких стран Западной Европы использовали для научного общения латинский язык.

Переводчик “Математических начал натуральной философии”, академик А.Н. Крылов так охарактеризовал латинский язык И. Ньютона: “Вообще латынь Ньютона отличается силою выражений”.⁶⁸ Сила – неременная черта английского характера, а, значит, и характера Ньютона. В формулировке закона инерции он использует слово “persevrare”, дословно переводимое как “упорно пребывать”, а мог бы использовать слово “manere” - “пребывать или оставаться”. Когда в “Началах” он говорит, “что какое-либо тело действием силы отклоняется от прямолинейного пути, то употребляется не просто слово “deviatur” - “отклоняется”, а “retrahitur” -

"оттягивается"; про силу не говорится просто, что она прикладывается, "applicatur", к телу, а "impimitur", т.е. "вдавливаться" или "втискиваться" в тело и т.п."⁶⁹ Особенности английского характера, выраженные в своеобразии использования латинского языка, скрылись при их переводе на национальные языки за общеупотребительной терминологией.

Впрочем, эти особенности языка научных работ И. Ньютона были отмечены еще и его современниками. Вольтер писал: "...Притяжение - величайшая движущая пружина всей природы".⁷⁰ И далее он свидетельствовал, что сам "Ньютон отлично предвидел, после того как доказал существование данного принципа, что возмутятся против самого этого имени;... он даже предостерегает своего читателя относительно самого притяжения, предупреждает, чтобы он не смешивал притяжение с оккультными качествами у древних и удовлетворился познанием того, что всем телам присуща центростремительная сила, воздействующая от одного края вселенной до другого на тела как наиболее близкие, так и наиболее удаленные друг от друга, согласно незыблемым законам механики".⁷¹ Но эти предупреждения читателю не оградили Ньютона от упреков в "химерах перипатетизма".

Вольтер цитирует французов - и "ученых" и "других", - повторявших этот упрек: "Почему Ньютон не воспользовался словом "импульс", таким понятным, вместо термина "притяжение", который никто не понимает?" И далее Вольтер выстраивает свой ответ на эти упреки, вкладывая его в уста И. Ньютона: "Прежде всего, вы не лучше понимаете слово "импульс", чем слово "притяжение", и если вы не постигаете, почему одно тело устремляется к центру другого тела, то вы не более того можете представить, с помощью какой силы одно тело может толкать другое. <...> ... Я пользуюсь словом "притяжение" лишь для обозначения открытого мной в природе достоверного и неоспоримого действия неизвестного принципа, качества, присущего материи, я представляю открыт, если это смогут, людям более искусным, чем я".⁷²

Итак, Вольтер уловил (очевидный для нас) совершенный Ньютоном отказ от каузальной рациональности в научном исследовании.⁷³ В этом смысле, И. Ньютон - есть первый феноменолог. Ему достаточно описать явление, не раскрывая его сути: "Я нахожусь в положении, весьма отличном от древних: они видели, например, что вода поднимается в насосе, и говорили, что поднимается она в силу боязни пустоты. В моем случае я напоминаю человека, который первым заметил, что вода

поднимается в насосах, и предоставил другим заботу объяснить причину этого явления”.⁷⁴ Причина - в упругости воздуха. Но, продолжает Вольтер за Ньютона, “причина упругости воздуха неизвестна”. Сегодня-то, мы знаем, что эта причина сокрыта в атомарном строении вещества. Но, потребовался синтез ряда молекулярно-кинетических (ноуменологических) моделей с термодинамическим (феноменологическим) описанием, - синтез, известный как статистическая механика или статистическая физика, чтобы понять эту причину. И, оставаясь в этом контексте, мы бы могли добавить, что, предоставив право “открыть” (объяснить) принцип тяготения другому, И. Ньютон, остановился перед необходимостью и неизбежностью трансрационального шага в область синтеза. Впрочем, трансрационального же шага, сделанного им в область феноменологии с чисто английской решимостью, потребовало и избрание им названия “тяготение” для им же открытой “пружины”. “Пружина, которую открыл я, - писал за него Вольтер, - была более скрытой, более всеобщей... Я раскрыл новое свойство материи - один из секретов Творца, я произвел расчеты, показал действия этого свойства, так зачем же придирайтесь к имени, которое я ему дал?”⁷⁵

Дело, однако, было в том, что время господства в науке феноменологии тогда еще не пришло. А Ньютон обращался к людям - носителям иной, а именно - в то время господствовавшей ноуменологической рациональности. Эти люди довольствовались в своих интеллектуальных изысках “окульными” конструкциями, реальность которых никто не доказал и не вычислил. Овладевший качественно новой - феноменологической рациональностью, Ньютон мог заявить, что, напротив, притяжение “есть нечто реальное, поскольку доказано его действие и просчитаны соответствующие количественные соотношения. Причина же этой причины лежит в лоне божьем”.⁷⁶ То есть она - причина тяготения не является предметом рассмотрения ученого-феноменолога. Она лежит в области рассуждений естествоиспытателя-ноуменолога, который может сконструировать “модель”, объясняющую “причину”, которую он полагает первопричиной тяготения, но понять причину тяготения можно только синтетически, либо синтезируя понимание подобно тому, как это предложил делать Г.В.Ф. Гегель по схеме “тезис-антитезис-синтез”, либо в контексте научной рациональности синтетического типа. Однако ж, насколько была бы бедна современная наука, если бы И. Ньютон не чувствовал в себе силы английского характера, если бы он записал себя гражданином “всепланетной “республики” ученых”. Напротив, принадлежность к великой исторической нации

придало незаурядному уму решимость бросить дерзкий вызов этой венациональной “республике”.

Типично английский характер английской национальной науки прослеживается не только в трудах И. Ньютона, написанных “английским латинским” языком в терминах, которыми более пристало описывать рыцарский турнир или боксерский поединок. Сильное влияние английского характера прослеживается в работах Т. Гоббса, А. Смита, Ч. Дарвина. Для выработанного морской стихией английского национального характера вообще свойственно гипертрофированное восприятие собственной личности. Она всегда воспринимает себя как сильную личность. Н.Я. Данилевский выделил это как обстоятельство, оказавшее существенное влияние на формирование английской науки. Одним из следствий этого, писал он, является нетерпимость к чужим суждениям. И эта нетерпимость полной мерой проявила себя в научной работе английской нации. В XVII веке Т. Гоббс создал политико-идеологическую концепцию, основой которой является “война всех против всех”. В XVIII веке Адам Смит выдвинул экономическую теорию, в основу которой положил идею экономического соперничества. В XIX столетии Ч. Дарвин сформулировал эволюционную концепцию, согласно которой в естественном отборе выживает сильнейший.⁷⁷

Черты английского характера проявились в результатах научного исследования и тогда, когда речь шла о таком действительно коллективном интернациональном интеллектуальном продукте, как квантовая механика. В квантовой механике воплощены усилия евреев, немцев, французов, англичан... Но ее, сформулированный П. Дираком, “типично английский вариант” содержит особенность, которая, как мы полагаем, чревата идеями, способными вывести квантовую область физики из кризиса. Особенность эта, связанная с квантовомеханическим пониманием времени, появилась именно благодаря силе английского характера. Дирак ввел в теорию понятия “бра” и “кет” векторов, для обозначения которых взял первую и вторую половину английского слова “bracket” – скобка. “Бра” и “кет” векторы обозначаются символами $\langle B|$ и $|A\rangle$ ⁷⁸. Записанные в математические выражения, они нередко направлены друг на друга как рыцарские копья.

“Типично английский вариант” квантовой механики возник как альтернатива ее “копенгагенской” интерпретации, сформулированной носителями

феноменологического типа рациональности. Нильс Бор, глава этой школы и главный автор копенгагенской интерпретации, настойчиво предупреждал своих учеников о бесперспективности типично немецкого (англосаксонского) подхода к изучению квантовой механики, т.е. реставрации в неклассической науке ноуменологической рациональности, возникшей, напомним, в мироотношенческом контексте западноевропейского суперэтнуса. Заметим, что обе эти интерпретации с большими оговорками воспринимались советскими учеными. Причем различные отечественные научные школы отдавали предпочтение либо той, либо иной трактовке. В Екатеринбурге, например, квантовая механика в интерпретации Дирака преподается на “физтехе” Уральского государственного политехнического университета (УГТУ-УПИ). В копенгагенской интерпретации квантовая механика преподается на физическом факультете Уральского государственного университета (УрГУ). И это расщепление ориентаций не должно удивлять, поскольку “физтех” УПИ изначально создавался для обеспечения кадрами советской ядерной программы, в значительной степени в силу высочайшей государственной секретности, закрытой для рядовых носителей феноменологической рациональности.

Фундаментальное свойство мышления “фаустовского человека”, носителя каузального типа рациональности, характеризуется его стремлением познать все и “до конца”, до возможного предела. Он и исходит в своих действиях и коммуникациях из того, что как будто знает все и о предмете исследования, и о собеседнике. Эта уверенность в своей интеллектуальной силе и превосходстве есть выработанный ноуменологическим сознанием способ локализации проблемной ситуации, с осознания которой собственно и начинается всякое научное исследование. Но с точки зрения еврея или русского, носителей принципиально иных - феноменологического и синтетического типов рациональности, так никогда не бывает. Так, действительно никогда не бывает, а потому он - фаустовский человек и нашел свой специфически национальный способ локализации познавательной ситуации, и мы - евреи и русские лицезреем в этой ситуации то чопорного англичанина, то заносчивого француза, а то и самозабвенно самоуверенного немца.

Знать о предмете исследования и собеседнике все с точки зрения, например, еврея, невозможно. Еврейский суперэтнос выработал свой собственный способ локализации познавательной ситуации. Действительно, если пытаться как некий школяр, герой датского писателя Поля Мёллера осмыслить множество своих “Я” как

последовательных состояний своего сознания, то получится: "... И затем я начинаю думать о моем думании об этом; снова я думаю о том, что думаю о моем думании об этом, и подразделяю себя на бесконечно убывающую последовательность "Я", наблюдающих одна другую. Я не знаю, которое из "Я" реально, чтобы на нем остановиться..."⁷⁹ Семитическое феноменологическое мышление выработало иной способ "остановки", фиксации, локализации, формирования познавательной ситуации. В научном методе он конкретизирован принципом дополнительности описания, первоначально введенным в науку американским психологом Уильямом Джеймсом, а затем, по его примеру, в квантовую механику Нильсом Бором. Считается, что с принципом дополнительности связаны соотношения неопределенностей квантовомеханических величин: импульса и координаты, энергии и времени.

Но и с точки зрения русского человека невозможно все знать о предмете исследования. Русский исследователь начинает свою работу с бескомпромиссного "Нет!", которое он говорит и объяснению (номенологической конструкции), и описанию (феноменологической теории). Он начинает сразу с понимания, перепрыгивая номенологический и феноменологический этапы познания. Но этапы эти уже пройдены мировой наукой, и сегодня очевидно, что аккумулятивный номенологический и феноменологический типы рациональности познавательный потенциал исчерпан. "Классическое знание, ориентированное на поиск причинных связей", констатирует А.С. Панарин, и, добавим мы, ориентированная на описание неклассическая наука действительно мало чему могут помочь в наших поисках "тонких" энергий цивилизационного развития. "Другой" тип рациональности - Логос синтеза-интуиции зафиксирован русским языком.

Вытеснение русского языка из научных коммуникаций, мы полагаем, формирует практически непреодолимые барьеры на пути инфильтрации в современную науку синтетической рациональности. Те, кто сегодня искренне по неведению, исходя из самых лучших побуждений или подчиняясь логике вызревания глобального конфликта за новый раздел мировой гегемонии, блокирует русский язык и русскую интуитивно-синтетическую рациональность на периферии "мировой науки", работают на "македонян" (победа Спарты над Афинами выдвинула в мировые гегемоны в войне не участвовавшую Македонию). Они формируют ситуацию, называемую нами вслед за В.И. Шариним, "семиотической смертью вселенной". На смену вселенскому порядку, что вот уже несколько тысячелетий воспроизводится в

Средиземноморском, а затем - Европейском ареале ритмами буквенной письменности, грядет хаос, “гораздо более актуальный, чем кошмар философов XIX в. о тепловой смерти Вселенной”.⁸⁰ Борьба либеральной утопии за культурный (космополитический) универсализм и технологический прогрессизм, если она не встретит “Нет!”, адекватного по силе национального характера, неизбежно приведет “к утрате языкового и культурного многообразия”.⁸¹ Эта борьба чревата победой до времени затаившейся на вершине горы третьей стороны, вынашивающей свой проект вселенной. У народов, владеющих иным - иероглифическим письмом, а, следовательно, и иным ритмом истории, появляется реальный шанс осуществить эту свою новую “семиотическую вселенную”.

Русское “Нет!” семиотической смерти Вселенной

Работа с неопределенностями квантовотермодинамических величин: энергией и температурой, температурой и временем, температурой и координатой убедила одного из авторов, что соотношения неопределенностей имеют более фундаментальный смысл, чем тот, которым нагружает их принцип дополнительности описаний, являющийся вполне конкретным рациональным типом локализации познавательной ситуации. Перечисленные соотношения неопределенностей введены квантовой термодинамикой⁸², являющейся изначально синтетической теорией - синтезом феноменологического описания с некоторым набором дополнительных ему интеллектуальных конструкций - моделей. Исследователь синтетической интеллектуальной традиции иным рациональным способом локализует познавательную ситуацию. Этот способ радикально - на уровне синтетического типа рациональности отличен от соответствующих процедур локализации познавательных ситуаций, осуществляемых как в рамках каузальной рациональности, так и в рамках феноменологической рациональности.

Категорическое неприятие феноменологического способа локализации познавательной ситуации посредством принципа дополнительности и, соответственно, соотношений неопределенностей формулирует, например, последовательный носитель номенологической рациональности, канадский физик и философ Марио Бунге. Квантовомеханические соотношения неопределенностей времени и энергии, интерпретированы Бунге как соотношения средних стандартных отклонений времени и средних стандартных отклонений энергии квантовомеханической системы. Для М. Бунге очевидно, что в такой интерпретации,

а иной он не принимает, они излишни в хорошо аксиоматизированной квантовой механике. В этой теории время t не является динамической переменной, подобной координате или импульсу. "...В отличие от последнего t не "принадлежит" (не относится к) частной рассматриваемой системе, а является общим (по крайней мере, локально). ... (Время - С.Ш.) не является свойством системы в той же степени, как ее масса или спин. Иными словами, t не принадлежит к семейству операторов в гильбертовом пространстве, ассоциируемом с каждой парой: микросистема - ее окружение. Поэтому t не является случайной переменной, с ней не ассоциируется никакое распределение вероятностей. Следовательно, ее разброс исчезает однозначно... (к тому же разброс по энергии исчезает, когда система случайно находится в собственном состоянии оператора энергии). В результате вопрос о разбросе энергии снимается".⁸³

Подобного рода интерпретации основаны на классических (ноуменологических) представлениях о наиболее фундаментальных атрибутах бытия: о времени и пространстве. В классической физике, кстати, и в неклассической - тоже, время является независимой от организованной в систему материи "параметром". Однако, интерпретации на основе подобного представления времени оказываются бесплодными в столкновении с множеством экспериментальных данных из квантовой области. Как, например, интерпретировать уширения линий излучения лазера, имеющие место именно благодаря соотношениям неопределенностей времени и энергии. Но подобного рода уширения спектральных линий наблюдаются при взаимодействии излучения с веществом именно как эмпирический факт, точнее, - один из множества подобных фактов. Что с ним делать? Убрать из области применимости квантовой механики и переместить их в иную область. И современная "русская" физика, выстраиваемая на базе синтетической рациональности, дает ответ на вопрос: куда "переместить" физические данные о взаимодействии излучения с веществом?

Принципиально различная языковая практика исследователей-физиков, носителей ноуменологического, феноменологического и синтетического типов рациональности предопределила эволюцию проблемы взаимодействия электромагнитного излучения с веществом. В классической физике, - физике ноуменологической рациональности она изучалась термодинамикой. Решение так называемой "ультрафиолетовой катастрофы" вывело исследование данной проблемы в квантовую механику. Это была принципиально новая познавательная область,

получившая не только ноуменологическую, но и феноменологическую, доминировавшую в физике XX века копенгагенскую интерпретацию.⁸⁴ Отметим еще раз, что ноуменологическая(ие) и феноменологическая(ие) интерпретации квантовой механики, возможно подпитывая друг друга, жестко между собой конкурировали.

Кризис физического знания, обнаруживший себя на излете столетия как кризис феноменологического рационализма, открывает перспективу переинтерпретации проблемы взаимодействия излучения с веществом на базе синтетического (интуитивно-синтетического) типа рациональности. Контекст русской языковой практики оказался естественным фоном для идей организации и самоорганизации систем, включающих в свой круг и идею “внутреннего” времени организованной в систему материи. Представление о времени, “генерируемом” самой системой как свое собственное “внутреннее” время, не вписывается ни в ноуменологические, ни в феноменологические интерпретации (парадигмы) квантовой механики. Само это представление генерирует новую физическую парадигму синтетического типа, в рамках которой взаимодействие излучения с веществом есть не кантовомеханическая, но квантовотермодинамическая проблема.

Произошедшие в последние десятилетия минувшего века коренные изменения в понимании времени снимают воспроизведенные выше возражения М. Бунге. Время в синергетических парадигмах становится наблюдаемой динамической величиной, которой имеет смысл и возможность сопоставить оператор в гильбертовом пространстве как любой наблюдаемой физической величине, что и было сделано И. Пригожиным.⁸⁵ Но это уже не время механики, но время квантовой термодинамики, изначально создаваемой как синтетическая теория в контексте и на основе синтетической (по-русски синтетической) рациональности.

Этнокультурная обусловленность научного продукта становится вполне определенной при переходе познания к предметам, изначально являющимся продуктами творческой деятельности конкретного этноса. Такого рода продуктами являются, например, система воспроизводства народного хозяйства (национальная экономика) или “советская энергетика”.

Отечественная экономическая наука, констатируя парадигмальный кризис экономики (С.Ю. Глазьев), заявила о крахе самой экономической парадигмы.⁸⁶ По

утверждению В.Л. Иноземцева на смену капитализму идет иная общественно-экономическая система, вытесняющая экономическую эксплуатацию другими формами эксплуатации, еще более жесткими и более неумолимыми, чем известные в истории. Эта, не совпадающая с марксизмом, концепция “краха капитализма”⁸⁷ сформировалась как реакция сообщества ученых-экономистов на то фундаментальное обстоятельство современной России, что в нашей стране рухнула система - и не социалистическая система, не советская власть. Россия это то, единственное пока, место на планете, где в 90-е годы минувшего века рухнула экономическая парадигма и где вызревает концептуальное ядро новой, постэкономической парадигмы общественной жизни. Важнейшим условием преодоления капиталистической экономической системы в рамках концепции постэкономизма является, по мнению автора рассматриваемой концепции профессора-экономиста В.Л. Иноземцева, “не устранение эксплуатации или уничтожение товарного обмена плановым хозяйством (как это полагал К. Маркс - С.Ш.), а осуществление необратимых изменений в характере человеческой деятельности, обуславливающих ее трансформацию из *трудовой* в *творческую*”.⁸⁸

Из экономической науки тем самым устраняется неременный для классической (английской) экономики элемент соперничества, а эксплуатация раскрывается как более емкое понятие, обозначающее синергию (содействие) более изощренных и циничных социальных явлений. Обусловленный этой синергией политический контроль над обществом переходит от государства к хозяйственным, “общественным”, конфессиональным, мафиозным и иным организациям. Государство “приватизируется”. Борьба за экономические интересы ожесточается и из сферы противостояния классов смещается в области противостояния центров принятия решений. Проблема принятия решений становится фундаментальной проблемой грядущего мира. Не наследство, а образование, точнее, - правильное решение об адекватно выбранном образовании откроет молодому человеку доступ к высшим уровням принятия решений. “Эра” власти “грамматократов” прошла одновременно с завершением деструктивных фаз “длинного кризиса”.⁸⁹ Развертывание его позитивных фаз связано с тем, что господствующим классом постиндустриализма становятся “технократы”, т.е. люди, резонирующие на логический тип мышления, а, следовательно, живущие в контексте логической языковой практики, вооруженные философией, идеологией и технологиями постиндустриального управления.

Так вот, оказывается, что постэкономика - это типично русское явление теоретической науки: "... Термин "постэкономический", - говорит В.Л. Иноземцев, - вряд ли получит широкое распространение в англоязычной среде, где не проводится, в отличие от русского или немецкого языков разделения понятий "хозяйство" и "экономика" (Wirtschaft и Oekonomie). Термин "economy" в английском языке охватывает столь широкий круг явлений, что сама гипотеза о возможности выхода за пределы экономики становится в той же мере нереалистичной, какой казалась бы российскому исследователю идея о преодолении хозяйства, а немецкому - об устранении Wirtschaft".⁹⁰ Конечно, спустя какое-то время англоязычный мир найдет способы адаптировать в свой интеллектуальный контекст идеи, понятия и выводы постэкономики, соответствующим образом трансформировать свои языковые практики, но и при этом останутся хорошо ощущаемые профессионалами различия смыслов.⁹¹ Мы же должны помнить, что появление нового значительного фрагмента науки было обеспечено особенностями именно русского языка, носители которого оказались способными вербализовать принципиально постэкономические ресурсы общественного развития.

Заметим также, что это не первый подобный прецедент в истории отечественной науки. В середине 20-го века, "когда взаимозаменяемость видов энергии, энергопроизводящих установок, транспортных средств и энергетических ресурсов стала осуществимой и экономически целесообразной"⁹², в русском интеллектуальном контексте сформировалось обширное научное направление - энергетика. Предметом его изучения стал объективно существующий лишь в одном месте планеты - в границах СССР - комплекс, реализующий "сложную совокупность процессов преобразования и передачи энергии от источников получения природных энергетических ресурсов до приемников включительно".⁹³ Подобного явления, именно как системы энергетике, нет нигде в мире, а в России оно стало возможным благодаря особенностям русской культуры, в том числе, - и русской языковой культуры, уходящей своими корнями в глубокую древность.⁹⁴

Особенности языковой культуры национального ядра американского народа определили и особенности принятой в США научной и технической терминологии. У нас, например, говорят "отопление", хотя отопить (протопить) можно только бревенчатую избу, но никак не теплофицированный многоквартирный дом. У них аналогичная процедура называется словом "heat spas" - "нагрев пространства". Действительно, невозможно протопить каменный замок или "холл", но можно

нагреть некоторое пространство вблизи камина или пространство, окруженное древесно-стружечными плитами, раскрашенными под кирпичную кладку.

В английском языке нет аналога слову “энергетика” именно в его русском смысле потому, что ни в Европе, ни в Америке нет явления, называемого этим словом в России. В США более трех тысяч компаний занимаются производством и поставкой преобразованных форм энергии - энергии как “поставка” (М. Хайдеггер), но эти компании не выстроились в Большую техно-социальную систему. Каждый потребитель знает своего поставщика энергии. Попытка отечественных реформаторов по этому образцу раздробить отечественную Единую электроэнергетическую систему (ЕЭЭС) встретило глухое и упорное сопротивление, рожденное, полагаем мы, на уровне глубинных архетипов русского национального сознания, а зафиксированных формами русской устной и письменной речи.⁹⁵ Но и Соединенные Штаты, несмотря на многочисленные попытки и значительные материальные затраты, не в состоянии воспроизвести у себя некое подобие “русской ЕЭЭС”. Нам представляется, что причины их неудачи также скрыты в недрах национальных архетипов, транслированных на североамериканский континент из англосаксонского мира. Словом, похожим по написанию и произношению на русское слово “энергетика”, в США обозначают комплекс производств, осуществляющих наработку и хранение делящихся материалов для ядерных зарядов и не имеющих никакого отношения к производству тепловой или электрической энергии.

Утверждение о том, что мышление человека в чрезвычайно высокой степени зависит от структуры языка известно как гипотеза Сепира-Уорфа.⁹⁶ Своеобразным ее подтверждением стали две прямо противоположные тенденции, “запущенные” в русской языковой среде всеобщей компьютеризацией Советского Союза и постсоветского пространства. Осуществляемая на базе импортных компьютеров и программ, она сопровождается вытеснением из коммуникаций русских ученых русского языка. Все чаще мы сталкиваемся со случаями не использования русского языка даже в повседневном общении русских ученых. Пошла мода, отправлять коллегам-соотечественникам электронные послания на английском языке. Это, конечно же, частный случай. Но и он свидетельствует о, несомненно, имеющих место попытках жесткого вытеснения из мирового интеллектуального пространства типов мышления (логического и грамматического), базирующихся на

рациональности синтетического типа. Причем, рациональности в ее интуитивно-синтетическом варианте, характерном для действительно русской научной мысли.

Это чрезвычайно опасный не только для русской национальной науки, но и для мировой науки процесс. И вот почему. Используемые сегодня учеными синтетические теории подобные, например, статистической физике, синтезирующей фундаментальные принципы термодинамики и молекулярно-кинетические модели, есть продукт либо стихийного, либо осознанного (диалектического) синтеза. Но интеллектуальные процедуры синтеза, развертываемого по диалектической схеме гегелевской триады: “тезис, антитезис, синтез”, уже обозначили свои пределы. Научный метод, воспроизводимый конструированием моделей и феноменологическими описаниями (фундаментальными, в терминологии А. Эйнштейна, теориями), споткнувшийся, в частности, на несостоявшемся синтезе теории относительности и квантовой механики, испытывает, и мы это уже отмечали, глубокий функциональный кризис. Этот кризис уходит корнями в метафизические, т.е. “предельные” основания, явленные каузальным и телеологическим типами рациональности. И ученые Запада, не без основания разуверившиеся в мировоззренческой плодотворности своих собственных метафизических оснований, отыскивают выход из этого кризиса в “восточной мудрости”. Мы находим плоды этих поисков то как “буддийскую экономику”, то как “буддийскую физику”.⁹⁷ Но констатируем, что все это не предельный метафизический синтез, и, даже, не промежуточные его варианты, а, скорее, иррациональные пробные вариации.

Но вакуум синтетической рациональности уже энергично заполняется. Мы видим, что преодоление рационального кризиса современной науки и ее прорыв в постнеклассическую науку реализует себя кластером принципиально новых фундаментальных теорий. Авторы этих теорий - наши соотечественники идут по пути русского мироотношенческого, метафизически-интуитивного синтеза. Именно того синтеза, который сегодня даже в России яростно вытесняется русскоязычной наукой на обочину интеллектуальной жизни. Но позитивная динамика текущего длинного кризиса формирует контекст социальных и интеллектуальных ожиданий, на который, и это уже очевидно, именно она - русскоязычная массовая (“докризисная”) наука уже не в состоянии адекватно ответить.

Реакцией на вытеснение не только из мирового, но и из национального интеллектуально-культурного континуума рациональности русского синтетического

типа стали процессы адаптации английского языка в качестве корпоративного средства общения математиков, физиков, химиков, экономистов. Английский язык в пространстве России превращается в язык англо-русский. Но если первая нами отмеченная тенденция характерна для массовой науки, питающейся подражаниями, иллюзиями и бездумными заимствованиями, то вторая тенденция реализуется лишь осознанными и хорошо отрефлексированными усилиями выдающихся национальных умов. Процесс этот подобен формированию латино-английского языка Исааком Ньютоном. У нас он возможен только там, где “тот же раджас кипит”, где воля и национальная страсть заявляют себя с той же безудержностью, что у Александра Сергеевича Пушкина.

Но мы констатируем наличие и третьей тенденции в современных трансформациях отечественной науки, уже распавшейся на науку русскоязычную и русскую национальную науку. Основными и фундаментальными в этих трансформациях все-таки остается процесс формирования современной русской научной языковой культуры, живой пока живет русская национальная наука. Это действительно национальная тенденция, охватывающая принципиально важную часть процессов становления действительно русской постиндустриальной и постнеклассической науки, причем - охватывающая наиболее интимные, сокрытые от нескромного взгляда процессы. Мы наблюдаем формирование русского научного языка в точках роста постнеклассической науки: в современной русской философии, в исторической науке, в сфере прогнозирования, в идеологии, в экономике, в точных науках фундаментальных отраслях естествознания - в физике и химии, например. Автор и сам участвует в этом процессе, работая над созданием теории создания теорий, квантовой термодинамики и квантовой термометрии⁹⁸, теории длинного кризиса 1991-2007/10 годов, других теорий. Эта коллективная работа, полагаем мы, продолжает тысячелетнюю тенденцию, восходящую к нам от святых Кирилла и Мефодия, идущую через Ломоносова, Жуковского, Державина, Пушкина, сквозь золотой и серебряный века русской литературы и поэзии, через русских космистов и русский космос. Она и в третьем тысячелетии сохранит русский язык не только как национальный литературный язык, но и как величайший и универсальный язык мировой науки.

1 Этому вопросу посвящена диссертация С.К. Шардыко “Этнокультурная обусловленность выбора научной парадигмы: энергетика как предмет методологической рефлексии”, защищенная в апреле 1999 г., а также выступление на научных конференциях “Язык. Система. Личность” (Шардыко С.К. Язык и национальная наука // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2000, с.127-137), “Человек и общество в информационном измерении” (Шардыко С.К. Истина в структуре синергии (Опыт методологии мультидисциплинарных исследований) // Человек и общество в информационном измерении. Екатеринбург, 2001, с.353-368), и “Гуманитарное знание и образование в контексте модернизации России” (Шардыко С.К. Язык и национальная наука // Гуманитарное знание и образование в контексте модернизации России. Екатеринбург, 2001, с. 371-375).

2 Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. М., 1995, с.454-494. С.491. Впрочем, всем своим творчеством О. Шпенглер утверждает, что данная наука (число, математическое понятие, понимание пространства и времени, теории и т.д.) именно и принадлежат носителям конкретной культуры. Иная культура воспроизводит и иную науку.

3 Шарин В.И. Язык, наука и идеология в аспекте национальной безопасности // Наука и образование в стратегии национальной безопасности и регионального развития. Екатеринбург, 1999, с.95-101. С.96.

4 Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991, с.217-578.

5 “Наука ОБЕЗЛИЧЕНА – в том смысле, что ни индивидуальные особенности ученого, ни его национальность или место проживания никак не представлены в конечных результатах научного познания” (Горелов А.А. Концепции современного естествознания. М., 1997. 208 с.).

6 Якушева Г.В. Лица и профили мировой науки // Наука в России. 1999, № 5, с.92-95 С.94.

7 Полани М. Личностное знание. М., 1985. С.196.

8 Шардыко С.К. Академия - реликт героической эпохи // *Новости РФФИ*. 1998, № 2, с.15-17. Принимая решение о публикации данной статьи с сокращениями, редакция сочла необходимым “исключить не вполне обоснованную и не имеющую прямого отношения к вопросам реформирования науки критику автора в адрес Академии наук”, исключив при этом наиболее фундаментальные положения о том, например, что Академия наук “сформировалась как исторически конкретный социальный институт индустриального, т.е. массового производства научно-технических знаний, основанного, как и массовое производство вещей на крупных промышленных предприятиях, на операциональном разделении труда “частичного” работника” (*Шардыко С.К.* Академия - реликт героической эпохи. Екатеринбург: Изд-е авт., 1998, с.3-4).

9 Алексеева В.А. Русский постиндустриализм: встреча энергий // *Культура и цивилизация*. Т.2. Екатеринбург, 2001, с.141-146; *Шардыко С.К.* Русский постиндустриализм: к расшифровке префикса “пост” в термине “постиндустриализм” // Там же, с.168-174.

10 Понятие “мироотношение” определяет “логику” повседневности этнической системы. Каждый шаг в этой логике, каждый поступок человека исполнен глубокого, пусть часто - и неизреченного духовного смысла, в которой, по сути, нет места случайному, внесистемному, чуждому. Национальное мироотношение - это завещанная предками, цельность, пробивающая себя сквозь пласты преходящих ценностей и заимствованных умонастроений, поскольку несет в себе живой непосредственный опыт, сопричастность великой культуре, обращение к прошлому Родины. Национальное мироотношение вырастает из основополагающих смысложизненных принципов народа, принципов отношения между индивидом и социумом. Оно концентрирует высшие ценности человеческого бытия; его организующие начала. Понятие “мироотношение” народа нагружено, несомненно, более фундаментально в сравнении, например, с заимствованным из западной социологии понятием “менталитет”. Если понятие “менталитет” сформировалось в процессе сравнения качеств народов одного суперэтноса - западноевропейского суперэтноса, то используемое нами понятие “мироотношение” откристаллизовалось в качественном сравнении крупнейших суперэтносов, творящих мировую историю вот уже на протяжении двух тысячелетий: еврейского, западноевропейского и русского. “Мироотношение” как понятие базируется на экспликации явленных жизнью народа

предельных оснований его бытия. Воспроизвести национальное мироотношение в описании - это значит эксплицировать метафизику данного народа (*Алексеева В.А. Духовный смысл русского патриотизма. Екатеринбург, 1998; Она же. Русское православное мироотношение как феномен культуры. Автореф. дисс. на соискание степени доктора филос. наук. Тюмень, 2001*).

11 Литературное наследство. Т.83. Неизвестный Достоевский. М., 1971. С.176.

12 *Смирнов Г.В.* Заметки редактора // Техника молодежи. 1999, № 7, с.38-43. С.39.

13 Другое дело, взгляд со стороны. Последствия грядущей по миру информационно-компьютерной революции с точки зрения философа самым непосредственным образом зависят “от этноисторических особенностей каждого социума, от состояния культуры и цивилизации. Не секрет, что разные народы и общества по-разному относятся к научно-технологическому прогрессу, к технике труда к современной форме и к требованиям организации производственной деятельности. Эти различия находят объяснения в истории каждого народа, в том, как формировался его характер, его культура, его способ жизнедеятельности” (*Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М., 1991. С.214*).

14 Мы полагаем, что творчество национальной культуры представлено, во-первых, ее синтезом, “ибо в глубочайшей сущности она и есть ни что иное, как этот творческий синтез” (*Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм // Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М., 1995, с.7-19. С.14*). Но синтез культуры в этом творческом процессе обязательно дополнен нередко негативной и агрессивной ревизией культуры.

15 *Колчинский Э.И., Козулина А.В.* Время выбора: почему В.И. Вернадский вернулся в Советскую Россию // Вопросы истории естествознания и техники. 1998, № 3, с.3-25. С.21.

16 *Данилевский Н.* Россия и Европа. М., 1991. С.135.

17 Там же. С.242.

18 Подберезкин А. Русский путь. М., 1999. С.198.

19 Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. С.55.

20 Там же.

21 Там же. С.66.

22 Там же. С.67.

23 Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С.23.

24 Там же. С.24.

25 Там же. С.39.

26 Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. С.190.

27 Там же.

28 Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989, № 10, с.18-32. События окружающего мира или, например, человеческой психики “либо каузальны, то есть имеют рациональную причину, которой обязаны своим возникновением, либо целенаправленны, либо и то и другое” (Юнг К.Г. К вопросу о подсознании // Юнг К.Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. М, 1997, с.13-102. С.27). Конечно же, речь может идти, как мы полагаем, не о самих вещах или явлениях, а о представлениях (репрезентациях, моделях) обязанных содержать явное указание на причину, об описаниях, которые в наиболее развитом и предельно формализованном виде есть феноменологические (фундаментальные по А. Эйнштейну) теории, либо то и другое синтезируется образом синтетической теории.

29 Слова “модель” и “репрезентация” популярны в языке идущих с Запада бестселлеров о том, как преуспеть (Роббинс Э. Могущество без пределов. М., 1996). Это свидетельствует об их укорененности в мироотношении народов западноевропейского суперэтнуса.

30 Юревич А.В., Цапенко И.П. Функциональный кризис науки // Вопросы философии. 1998, №1, с.17-29. Этот кризис поразил науку в целом, начиная с

физики и до социальных наук, до экономики. Отвечая на вопрос о причинах бессилия экономической науки в разработке национальной стратегии, крупнейший экономист современности С.Ю. Глазьев пишет, что они рождены именно кризисом мировой и отечественной экономической науки. “...Господствующая методология, основанная на неоклассической теории экономического равновесия, неадекватно объясняет реальность. <...> Количество аномальных фактов, неписываемых в прокрустово ложе теории экономического равновесия, настолько велико, что о достоверности этой теории просто не приходится говорить. Она не в состоянии объяснить ни научно-технический прогресс, который стал основой современного экономического роста, ни провал российской экономической реформы, ни мировой финансовый кризис. <...> Проблема заключается в том, что исходные положения ее не соответствуют реальности” (Глазьев С. Апокалипсис для России // Завтра. 2000, № 44, с.2). Экономическая наука стоит перед научной революцией, она чревата новой, действительно современной парадигмой. Но в этом положении сегодня вся наука. Решительная смена парадигм в отдельных ее отраслях когерирует в Большой когнитивный взрыв.

31 Алексеева В.А. Понимание и опыт в паутине либерализма // Человек и общество в информационном измерении. Екатеринбург, 2001, с.270-276.

32 Панарин А. Жизненный мир и агрессия рациональности // Alma mater. 2000, № 8, с.34-39. С.36.

33 Там же.

34 Там же.

35 Панарин А. Жизненный мир и агрессия рациональности // Alma mater. 2000, № 7, с.3-11. С.3.

36 Там же.

37 В русской православной культуре синтетическому образу реальности соответствует “образ” - русская икона (Раушенбах Б.В. Пристрастие. М., 1997).

38 Современный философский словарь. М.-Бишкек-Екатеринбург, 1996. С.282.

39 Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Соч. В 3 т. Т.2. М., 1990. С.303.

40 Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С.512.

41 Флоренский П.А. Столп и утверждение истины // Соч.: В 2 т. М., 1990. Т.1(II). С.753.

42 Там же. Т.1(I). С.283-284.

43 Флоренский П. У водораздела мысли // Собр. соч.: В 3 т. Paris, 1985. Т.1. С.299.

44 Менделеев Д.И. Границ познанию предвидеть невозможно. М., 1991. С.248.

45 Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. С.258.

46 Роббинс Э. Могущество без пределов. М., 1996. С.39-40.

47 Ортега-И-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С.210-211.

48 Полани М. Личностное знание. С.116.

49 Гоголь Н.В. Мертвые души // Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 6 томах. Т.5, с.20.

50 Если полагать, что философская герменевтика уже превратилась в “теорию понимания”, то само понимание, действительно есть некий коммуникативный процесс, представляя “собой гносеологический акт, принципиально отличающийся от объяснения тем, что первое фиксирует индивидуальные черты, детали, поступки и ситуации и осуществляется на чисто личностном, неформальном уровне. Если индивид А понимает другого индивида - В, то это означает, что имеется некий надличностный слой, своего рода трансцендентный субъект, который позволяет А и В устанавливать некоторые общие соответствия смыслов и значений, совершаемых ими поступков и действий, речевых актов, языковых выражений, а также поступков и действий других людей и индивидуально неповторимых событий.

Поскольку цель и задачи общественных наук и социального познания с точки зрения неокантианства и ряда современных мыслителей (Гадамер и др.) - познание индивидуального, интимного, неповторимого, субъективного, психологически мотивационного в жизни и деятельности людей, то понимание есть гносеологический акт, специфический акт, специфический для этих наук” (Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М., 1991. С.207-208). Исследователь, работающий в феноменологической парадигме, достигает понимания только в коммуникационном процессе. Отметим, что именно этот процесс в пространстве России прочно оседлан российскими грамматократами вполне определенной идеологической ориентации, что и позволило одному из нас заявить, что такое понимание оказалось “в паутине либерализма”. С нашей же точки зрения интуитивно синтезируемое понимание не имеет отношение к коммуникации. Оно есть информационно-познавательный процесс, в котором информация понимается не в смысле К. Шенона, но в смысле, используемом В.Б. Вяткиным (Вяткин В.Б. Комбинаторно-семантический подход к определению количества информации, как новый инструмент познания окружающей действительности // Человек и общество в информационном измерении. С.284-295; он же. Информационный закон отражения системных объектов // Ergo... 2001, № 3, с.24-42), не как информация передаваемая, но как отражаемая информация.

51 “Китайская иероглифическая письменность - феноменальное явление среди всех известных науке видов письма, поскольку обладает уникальными вневременными качествами: знание грамматики позволяет прочитать текст любым удобным способом независимо от того, когда он был написан. Эта особенность открывает доступ ко всем классическим текстам китайского прошлого. За последние 2500 лет письмо изменилось настолько незначительно, что читать труды древнекитайских мудрецов не труднее, чем современные тексты” (Дьячков С. Китайская грамота или пять телег мудрости // Alma mater. 2001, № 1, с.40-42. С.41).

52 Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. С.29-30. В примечании к слову “наука” Виндельбанд пишет: “Этого никогда не следует забывать при переводе, где часто возникают недоразумения, когда *filosofia* передается словом “философия” и тем создается опасность, что современный читатель поймет это слово в его теперешнем, более узком смысле. Вместо многих

примеров приведем только один. Известное изречение Платона часто передается следующим образом: "Несчастья человечества прекратятся только тогда, когда властители будут философствовать или философы властвовать, т.е. не раньше, чем соединятся в одних руках философия и политическая власть". Как легко это высмеять, если под "философствованием" понимать метафизические мечтания, а при слове "философы" думать о непрактичных профессорах и одиноких ученых! Но переводить надо правильно. Тогда окажется, что Платон требовал только, чтобы власть находилась в руках образованных людей, и мы поймем, может быть, как пророчески предвосхитил он этим своим изречением развитие европейской жизни" (там же, с.29).

53 Эту же неопределенность мы находим и в расшифровке термина "наука". "... Слово "наука" в тезисе "наука есть теория действительного" всегда означает науку только Нового времени. Тезис [этот]... не имеет смысла ни для средневековой науки, ни для науки древности" (*Хайдеггер М. Наука и осмысление // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986, с.67-84. С.68*). Не будет тезис о науке как теории действительного иметь отношения и к науке будущего, о которой мы можем сказать, что она перестанет быть исследованием, как индустриально оформленным интеллектуальным действием. Смысл, заключенный в *episteme* античности, *doctrina* средневековья, *theiory* (теория действительного) Нового времени столь же различен, как и смысл теории постсовременности, что даже для ее обозначения потребуются новое слово. Науку постсовременности можно определить через когерирование смыслов – как синергию понимающего знания и назвать ее словом "theioring" (теоринг), обозначающим и "теоретизирование в продолжающемся действии", и "теорию создания теорий".

54 *Ньютон И. Математические начала натуральной философии // Крылов А.Н. Собр. трудов. Т.7. М.-Л., 1936. - С.25.*

55 *Гачев Г.Д. Английский образ мира и механика ньютона. – С.73.*

56 *Шарин В.И. Указ. соч. С.98.*

57 Там же.

58 По одному из определений идеология - это слова, которыми мы называем то или иное явление. Если мы конкретное социальное явление, пережитое нами на рубеже 1990-х годов, назвали приходом в нашу страну “демократии и свободы”, то - это одна идеология, а если это же явление назвали “распадом системы управления страной из единого центра” (из ЦК КПСС), то - это уже совсем другая идеология. И в России есть немало людей, соответственно, грамматократов и технократов, готовых драться за ту или иную идеологию - за то или иное сочетание слов.

Власть технократов ведет общество в тупик технического развития, сегодня - к экологической катастрофе, самым ужасным следствием которой будет исчезновение самой техники. Власть грамматократов выводит общество из этого тупика к национальной катастрофе. В этой парадоксальной динамике власть грамматократов формирует паузу, во время которой новая волна технократии овладевает новыми интеллектуальными, материальными, энергетическими, человеческими ресурсами развития социума. Власть российских грамматократов образца 80-90-х годов уже закончилась, оставив пока без ответа вопрос о том, способна ли новая волна российской технократии акцептировать знания и стратегические ресурсы общественного развития в XXI веке? Мы задаем этот вопрос потому, что требуемое временем знание может быть получено только в результате эксплицированного нами трансрационального перехода от объяснения к пониманию, который латентно, скрыто уже идет, но закрепление в обществе его результатов не есть проблема русской науки. Решение этой проблема есть дело русской политической практики, - практическое дело новой волны русской технократии.

59 *Вольтер*. Философские сочинения. М., 1986. С.161.

60 Там же, с.162.

61 *Полани М.* Личностное знание. С.16. Отметим, что родным языком еврея Михаэля Полани был немецкий.

62 *Садовский В.Н.* Если переводить плохо - лучше не переводить вообще // Вопросы философии. 1999, № 11, с.29-36.

63 Эмиграция, в которой в первой половине 1920-х годов оказался В.И. Вернадский, позволила ему засвидетельствовать упадок западноевропейской науки. Он и бывшие с ним рядом другие “корифеи отечественной науки видели, что (коммунистические – Авт.) вожди стремились развивать естественные и технические науки, когда на Западе стало модным в науке видеть причину общенациональных кризисов (как это было в Веймарской Германии и в США в годы Великой депрессии). Тогда там всерьез обсуждались предложения "устроить науке выходной", объявив мораторий на научные исследования” (*Колчинский Э.И., Козулина А.В. Указ соч. С.23*). Этими предложениями формулировалось неудовлетворение общества не столько кризисом самого общества, сколько очевидным кризисом самой западноевропейской науки.

64 Совершенно свежий пример - один из авторов получил приглашение поучаствовать в “12th International Heat Pipe Conference”. Так вот, на конференции, которую предполагается провести на параходе, курсирующем между “Moscow - Kostroma - Moscow, Rossia”, не предполагается использование русского языка даже в качестве второго официального языка конференции.

65 Сегодня в мире 85 % научной литературы публикуется на английском языке. Средняя цитируемость одной англоязычной статьи - 3,7 раза, на русском - 0,9, немецком - 0,6, французском и японском - 0,5. Ссылка на языковой барьер не состоятельна, поскольку эти данные газета "Поиск" (2000, №13, с.5) приводит в соответствии с системой ISI ("индекс цитирования"), обрабатывающей только англоязычные версии российских, соответственно, немецких, французских, японских научных журналов. Причем показатель цитируемости именно американскими учеными изданной на английском языке не американской литературы еще меньше, поскольку система ISI в общий счет зачисляет и ссылки соотечественников автора, т.е. не американцев. "В 1995 году американцы практически не цитировали российских публикаций за 1991-1993 годы, в то время как российские ученые процитировали за тот же период 35 % американских работ за 1991-1993 годы. В европейских странах цитируется примерно столько же американских работ" (*Маркусова В. Почему нас мало цитируют? // Поиск. 2000, №13, с.5*). Правда и ученые-американцы с западного побережья Соединенными Штатами редко цитируют своих коллег-соотечественников с восточного побережья США.

66 Цит. по кн.: *Ломброзо Ч.* Гниальность и помешательство. Ростов н/Д., 1997. С.209. Не менее половины всего написанного И. Ньютоном посвящено теологии (см., например, *Кнорина Л.* Ньютон и еврейская традиция // *Лехаим.* 1999, № 6, с.43-45). И если учесть, что Ньютон писан не только о Боге и природу, но еще и о многих других вещах, например, о финансах, то мы должны согласиться с выводом ряда исследователей, что отнюдь не механика была в центре его интеллектуальных интересов.

67 Цит. по книге *Касавина И.Т.* Теория познания в плену анархии. М., 1987. С.18.

68 *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии // *Крылов А.Н.* Собр. трудов. Т.7. М.-Л., 1936. С.25.

69 Там же.

70 *Вольтер.* Философские сочинения. С.141.

71 Там же.

72 Там же. С.142.

73 Именно в контексте этого отказа должны мы интерпретировать слова, которыми И. Ньютон завершал свои “Принципы”: “Я не создаю гипотез (*hypotheses non fingo*). Ведь все то, что не выводится непосредственно из явлений, - гипотеза; гипотезы же, метафизические ли они или физические, или это предположения, касающиеся скрытых качеств либо механики (есть, в нашей терминологии, модели, сконструированные из элементов каузальной, ноуменологической парадигмы, так вот - эти модели - Авт.), не должны иметь места в экспериментальной философии” (цит. по кн.: *Вольтер.* Философские сочинения. С.320).

74 Там же. С.143.

75 Там же.

76 Там же.

77 Данное замечание было подсказано автору профессором УрГУ В.И. Копаловым.

78 Дирак П. Принципы квантовой механики. М., 1979, с.28.

79 Цит. по кн.: *Хютт В.П.* Концепция дополнительности и проблема объективности физического знания. Таллин, 1977. С.67

80 Шарин В.И. Указ. соч., с.100.

81 Там же.

82 Шардыко С.К. Квантовая термодинамика: научная исследовательская программа. Екатеринбург, 1998.

83 Бунге М. Философия физики. М., 1975, с.42-43.

84 Вовсе не случайно, что крупнейшим философом и методологом физики Марио Бунге “феноменологическая физика” упоминается в его книге “Философия физики” всего несколько раз и, мягко говоря, в негативном контексте. Обращая внимание на факт преобладания в физике середины XX века операционализма, М. Бунге пишет, что “каждый физик полагал, что он манипулирует реальными вещами или имеет некоторые идеи относительно их”, и делает это до тех пор, пока не занимается физикой. Как только физик вступает в философию, то в большинстве случаев он “практического реалиста” превращается в эмпирика. “Только отдельные консерваторы, подобные Эйнштейну, отважились утверждать в расцвет операционализма, что физика пытается познать реальность” (там же, с.20). В другом месте М. Бунге упрекает “энтузиастов формулы” $E^2/c^2 = m_0^2 c^2 + p^2$ в том, что, говоря о массе фотона, они используют “пустой предикат, поскольку он отсутствует среди основных понятий электромагнитной теории” (там же, с.41). Он обращает внимание на неспособность релятивистского (относительного к системе отсчета) представления времени решить проблему дополнительности энергии и времени (там же, с.43).

85 Пригожин И. От существующего к возникающему. М., 1985; *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. М., 1994.

86 Иноземцев В.Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М., 1998; *он же.* За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998; *Алексеева В.А., Шардыко*

С.К. Русский постиндустриализм - наследие большевизма? // Сталин и современность, Материалы региональной научно-исторической конференции. Челябинск, 2000, с.60-64.

87 Еще одна концепция неизбежного “краха капитализма” выдвинута небезызвестным финансистом, филантропом, “а ныне и философом” Дж. Соросом. Самая фундаментальная опасность для современного капитализма исходит, по его мнению, не от тоталитарной идеологии, а от “рыночного фундаментализма”. Если “личность должна быть обремененной” (Сорос Дж. Кризис мирового капитализма (Открытое общество в опасности). М., 1999, с.104), то это означает, что Сорос отдает приоритет обществу перед личностью, подчеркивая далее, что “западная форма представительной демократии может являться отнюдь не единственной формой правления, совместимой с Открытым обществом” (там же, с.107). Общества, открытого, заметим, не в поперовском, но в синергетическом смысле.

88 Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 2000, № 1, с.3-32. С.4.

89 В рамках разрабатываемого в Уральском отделении РАН научного направления “Разработка основ организации прикладных теорий” создается теория “длинного кризиса”. Согласно этой, синтетической по своему рациональному типу, теории российский кризис 1991-2007/10 годов выстраивается четырьмя “4-летними” деловыми циклами (фазами): двумя деструктивными (август 1991-декабрь 1994 - фаза обрушения и январь 1995-март 1998 - фаза стабилизации кризиса), “социальным событием” (апрель 1998-31 декабря 1999 года) и двумя конструктивными фазами (январь 2000-первая треть 2003 - фаза организации экономического подъема и 2003-2007/10 годы - фаза технологического выбора посткризисного развития). “Социальное событие” отсекло от истории граммотократов индустриального типа, более известных как либеральные демократы в России и этнические элиты в бывших советских республиках. Смена фаз весной 2003 года отсечет от политической власти организаторов “социального события”. Явным образом будут востребованы технократы постиндустриализма (Шардыко

С.К.“Преодоление” кризиса - выход на синергетическую волну // Уральский строитель. 1999, № 4, с.22-25; 2000, № 1, с.18-21).

90 Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы “круглого стола”).

91 В этой связи мы напомним, что для обозначения теории познания в отечественной литературе используются два слова: пришедший из английского языка термин “эпистемология” и имеющий германское происхождение термин “гносеология”. В контексте русского языка эти термины эквивалентны, т.е. означают одно и то же, а именно, - “теорию познания” (Erkenntnislehre, Erkenntnistheorie). В то же время, будучи отнесенными к своим естественным (национальным) контекстам - английскому и немецкому языкам, они обнаруживают существенное различие своей смысловой нагрузки. “Под теорией познания, или гносеологией... следует понимать теорию развития познания и функционирования готового знания вообще. Эпистемология изучает те же проблемы, но применительно к специальным видам научного знания” (Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. С.148).

92 Мелентьев Л.А. Системные исследования в энергетике. Элементы теории, направления развития. М., 1979. С.4.

93 Там же. С.3-4.

94 Желтова Е.Л. Электрификация России (1921-1928 гг.): мифологические аспекты // Вопросы истории естествознания и техники. 1996, № 1, с.61-77.

95 Национальный язык связывает современного человека, ученого с древнейшими архетипами, лишь изредка и в особых ситуациях (снах, видениях, галлюцинациях) всплывающих из глубин человеческого подсознания. Так некий путешественник по Сибири, с которым как с коллегой довелось работать “прославленному” психоаналитику Карлу Густаву Юнгу, обнаружил, что специфические комплексы, пробуждаемые в сексуальной сфере человека несчетным количеством символических образов (или аллегорий), могут быть раскрыты “и путем созерцания загадочных русских букв” (Юнг К.Г. Указ. соч. С.23). Не зная русского языка и не будучи знакомым

с кириллицей, путешественник “увлекся разглядыванием вывесок на железнодорожных станциях, пытаюсь угадать, что могут означать эти странные буквы. Размышляя об этом, он фантазировал, расслабившись, представляя самые невероятные значения незнакомых слов, когда вдруг обнаружил, что “свободные ассоциации” пробудили целый ряд старых воспоминаний, в том числе весьма неприятных и, казалось, надежно погребенных, которые он в свое время желал забыть и сознательно забыл” (там же, с.22). Таким образом, сторонний наблюдатель обнаружил в русских буквах то, что они несут “причинно обусловленное сообщение” (там же, с.23), связывающее посредством архетипов современного человека с его чрезвычайно отдаленными предками. Как иероглифы соотносятся с мироотношением носителей японской или китайской культуры, так с мироотношением носителей русской культуры естественно соотносится и начертание русских букв.

96 Выдающиеся американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф выдвинули эту гипотезу в контексте ими же поставленной проблемы “о структуре языка как особого типа идеологии” (*Шарин В.И. Указ. соч. С.97*).

97 См., например, статью: *Бескова И.А. Проблема творчества и буддийская традиция // Вопросы философии. 1999, № 7, с.158-173.*

98 В связи с этой работой один из авторов оказался перед необходимостью введения новых терминов. Предложив журналу “Известия российской АН. Энергетика” статью “Проблемы создания новых технологий для энергетики на основе макроскопических квантовых систем” (Известия РАН. Энергетика. 1992, № 2, с.14-23), он был втянут в дискуссию по поводу использованных в статье терминов “квантовотермодинамический принцип”, “квантовотермодинамическая система”, “квантовотермодинамическое состояние”. Редакция предложила свой вариант написания через дефис: “квантово-термодинамический” и т.д., но приняла авторский вариант, после того, как ей были предложены аналоги: “теплофизический”, “квантоворелятивистский” (В.П. Бранский). Сегодня бы авторский вариант не прошел. Он противоречит новым правилам написания сложных слов - через дефис. Однако, именно это правило, что следует из нашей статьи, толкает русских ученых, работающих в области научного синтеза, на “японский путь”.

Действительно, как записать термины “релятивистски-квантово-термодинамический” или “суперрелятивистски-квантово-термодинамический”? Через два-три дефиса, т.е. как “релятивистски-квантово-термодинамический” и “супер-релятивистски-квантово-термодинамический”, или, поступив так, как делает японец, инкрустируя англоязычное словосочетание в контекст иероглифов японской письменности, записать РКТ и СРКТ? Но, по принятой в отечественной литературе традиции подобные аббревиатуры расшифровываются как названия из нескольких слов, например, СТО - специальная теория относительности или ОТО - общая теория относительности, МКС - макроскопическая квантовая система, но вовсе не как прилагательные. Новое правило сужает возможности для словообразования в областях междисциплинарных и синтетических исследований.

Дата публикации: 13 января 2003

Источник: SciTecLibrary.ru
